

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

На правах рукописи

УДК 94(575.1)

ИШАНХОДЖАЕВА ЗАМИРА РАЙИМОВНА

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ЕЁ
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ УЗБЕКИСТАНА
(1925 – 1950 гг.)**

07.00.01 – История Узбекистана

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ташкент – 2012

**Работа выполнена на кафедре Истории Узбекистана исторического
факультета НУУз им. Мирзо Улугбека**

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Дилором Агзамовна Алимова

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Юлдуз Алимовна Эргашева

доктор исторических наук, профессор
Наим Халимович Обломуродов

доктор исторических наук
Кулдаш Эргашев

Ведущая организация: **Ташкентский государственный
институт культуры им. Абдуллы
Кадыри**

Защита состоится «_____» _____ 2012 г. в ____ часов на заседании
Объединенного специализированного совета Д.015.09.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при
Институте истории Академии наук Республики Узбекистан (100170,
г. Ташкент, ул. И. Муминова, 9). Тел. (+99871) 262–38–73, факс (+99871)
262–93–51, e-mail: tarih@uzsci.net

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке
Академии наук Республики Узбекистан (100170, г. Ташкент,
ул. И. Муминова, 13).

Автореферат разослан «_____» _____ 2012 г.

**Ученый секретарь Объединенного
специализированного совета,
кандидат исторических наук**

Н.А. Мустафаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. За годы независимости Узбекистана историческая наука претерпела кардинальные изменения. На уровень государственной политики возведены меры по оздоровлению и системной перестройке исторической науки. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 16 декабря 1996 г. «О создании новой истории Узбекистана»¹, и от 27 июля 1998 г. «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан»² способствовали поднятию ее на новый качественный уровень и выработке новых методологических подходов, учитывающих международный опыт.

За годы суверенного национального развития историками республики проведена уже огромная работа по оздоровлению исторической науки. Но, несмотря на очевидные достижения, остался еще обширный пласт проблем, требующий современного изучения и переоценки. В него входят многие страницы истории Узбекистана советского периода, в частности, история сталинских репрессий 20 – 50-х годов XX в., ставших глобальной катастрофой для народов обширного советского пространства.

В Распоряжении Президента Республики Узбекистан «Об увековечении памяти жертв репрессий в Узбекистане» от 12 мая 1999 г., Постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу Родины и народа» от 22 июля 1999 г., Указе Президента «Об установлении Дня поминовения жертв репрессий» от 1 мая 2001 г., была поставлена ответственная задача по увековечению памяти тысяч самоотверженных людей, представителей интеллигенции, ставших жертвой репрессий в период советского режима, дальнейшему глубокому изучению их жизни и деятельности, богатого научного и творческого наследия³. Актуальность этой проблемы была подчеркнута Президентом Республики Исламом Каримовым и в его труде «Узбекистан на пороге достижения независимости»⁴.

Свободный доступ в последние годы к архивным фондам республики, введение в научный оборот широкого круга ранее недоступных источников способствовали появлению возможности изучения репрессивной политики советской власти в области культуры в Узбекистане в качестве специального исследования.

Важным участком решения этой, поставленной на государственный уровень задачи, является системное исследование всей совокупности пагубного воздействия советской репрессивной политики на культуру узбекского народа в условиях сталинского режима.

¹ Постановление Кабинета Министров Узбекистан от 16 декабря 1996 года «О создании новой истории Узбекистана» // Народное слово. 1996, 17 декабря.

² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 июля 1998 года «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» // Народное слово. 1998, 29 июля.

³ Распоряжение Президента Республики Узбекистан от 12 мая 1999 г. «Об увековечении памяти жертв репрессий в Узбекистане» // Правда Востока. 1999, 12 мая; Постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан от 22 июля 1999 г. «Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу Родины и народа» // Правда Востока. 1999, 24 июля; Указ Президента от 1 мая 2001 г. «Об установлении Дня поминовения жертв репрессий» // Народное слово. 2001, 1 мая.

⁴ Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент: Узбекистан, 2011. – С. 67.

Политические процессы 20 – 50-х годов в Советском Союзе, и в частности в Узбекистане, связанные с культом личности Сталина и тоталитарной политикой советского государства, показывают насколько несовместимо отсутствие демократии в обществе со свободным, творческим развитием самобытной духовной культуры, в сфере образования, науки, просветительства, литературы и искусства.

Этот период отличался предельной политизацией духовной жизни общества, массовым террором, обрушившимся в первую очередь на интеллигентную часть общества – деятелей просвещения, науки, литературы и искусства, упрочением механизма командно-приказной системы управления культурой, абсолютизацией классового подхода, физическим истреблением обширных групп населения.

Подобные процессы коснулись и исторической науки. Именно в этот период она утратила свои исконные социальные функции, превратившись в идеологический инструмент правящего режима. В результате история оказалась предельно фальсифицированной.

Актуальность обращения к столь острой теме определяется тем, что несмотря на огромный интерес историков к проблеме репрессивной политики в советский период истории и её разработанность, влияние на культурную жизнь, в целом культуру и людей, внесших большой вклад в её развитие остается практически не освещенной. Судьбы представителей национальной интеллигенции, ставших жертвами сталинского террора отчасти подвергаются изучению, но не в контексте общих культурных процессов, протекавших на тяжелом фоне репрессивного режима советской власти.

Поскольку культура является определяющим духовным звеном в жизни общества, то проявление насилия в этой сфере и уничтожение главных ее акторов не только задерживает, но и трансформирует ее развитие. Это отчетливо видно по данным настоящего исследования, применительно к Узбекистану, что еще раз подтверждает актуальность избранной темы.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период с 1925 по 1950-е годы. Выбор их определен с учетом специфики исторических событий, начиная с закладки репрессивного аппарата в 1925 году, заканчивая политическими гонениями национальной интеллигенции в начале 50-х годов.

Степень изученности проблемы. На сегодняшний день в исторической науке накоплен обширный корпус научных знаний, посвященных тем или иным аспектам истории Узбекистана советского периода. Однако по теме диссертации специальных трудов нет.

Отдельные исследования, связанные с данной темой, затрагивали эти проблемы в основном в рамках изучения культурной жизни Узбекистана в советский период, либо касались истории жизни и деятельности конкретных представителей национальной интеллигенции, пострадавших от сталинских репрессий.

Научную литературу, касающуюся темы репрессий в советский период диссертант сочла необходимым разделить на три основных периода и одну группу: 1) публикации, изданные в 50-е годы XX в., когда уже стало возможным говорить о репрессиях, и исследования с 60-х годов до середины 80-х годов XX в.; 2) труды, написанные во второй половине 80-х и до 90-х

годов XX в.; 3) работы, написанные после обретения Узбекистаном независимости; 4) зарубежные публикации.

Во второй половине 50-х годов, после известных постановлений, направленных на развенчание культа личности Сталина, был приоткрыт доступ к архивам, созданы более благоприятные условия для научной деятельности. В итоге стала расширяться тематика исследований, обогатилась их документальная база, начала подниматься и изучаться проблема сталинских репрессий. Однако критика сталинизма носила в определенной степени дозированный характер, укладываясь в русло идеологических установок, спускаемых партийным руководством.

Суть концептуальных подходов тех лет сводилась к тому, что вина за политический террор накладывалась исключительно на Сталина и его окружение. Вследствие этого тема сталинских репрессий рассматривалась исключительно в аспекте реабилитации партийных и советских работников, вынужденных выполнять указания сталинского руководства. К тому же, после краткосрочной «хрущевской оттепели» и прихода в 1964 г. к руководству советским государством Л.И. Брежнева критика бывшего руководителя постепенно стала затихать. Все это отразилось на характере исторических исследований, в том числе связанных с анализом культурных процессов в Узбекистане в пространстве 20-х – начала 50-х годов¹. К ним мы можем отнести работы М. Корахонова, Т. Кары-Ниязова, Х. Пулатова, И. Кадирова, У. Султонова, Р. Шарафутдинова, С. Мухаммедова, М. Султонова, У. Арифова и др. Освещая процессы культурной жизни Узбекистана, эти авторы делали основной упор на достижения в различных областях – науке, образовании, культурно-просветительской деятельности, литературе, искусстве и, как правило, связывали это с «руководящей ролью коммунистической партии». Работы были предельно идеологизированы, выдержаны в духе своего времени. Вместе с тем нельзя не отметить, что они содержали интересные сведения о самоотверженном труде представителей просвещения, науки, литературы и искусства о состоянии культурно-просветительской сферы Узбекистана в исследуемый период.

В научной литературе второй половины 60-х – начала 80-х годов наблюдаются робкие попытки критического осмысления воздействия преступной практики сталинизма на духовную жизнь народов Союза, в частности узбекского народа. Однако позднее вплоть до середины 80-х годов эта тема оказалась фактически табуированной. Основное внимание исследователей сосредоточилось на аргументации исторической потребности «ленинской культурной революции», обосновании классового характера культурно-духовных преобразований². Причем возрастающей

¹ Корахонов М. Совет Ўзбекистони маданияти. – Тошкент, 1953; Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. – М., 1955; Пулатов Х.П. Культурно-воспитательная деятельность советского государства в Узбекистане. – Ташкент, 1959; Кодиров И. Ўзбекистон ССРда халқ маорифининг муваффақиятлари. – Тошкент, 1959; Султонов У. Ўзбекистон ССРда Фан, Олий ва урта таълимнинг равнақи. – Тошкент: 1961; Шарафутдинов Р. Школьное образование в Узбекской ССР (1917–1955). – Ташкент, 1961; Мухаммедов С. Культура советского Узбекистана. – Ташкент, 1961; Султонова М. Ўзбек совет адаблари. – Тошкент, 1963; Кадыров И. Народное образование советского Узбекистана. – Ташкент, 1964; Арифов У. Наука советского Узбекистана. – Ташкент, 1964.

² Пулатов И. Из истории участия народов Узбекистана в Великой Отечественной войне. – Ташкент, 1966; Пулатов Х.П. Коммунизм, государство, культура, личность. – Ташкент, 1971; Акилов К.А. Ленин и культурная революция в Узбекистане. – Ташкент, 1972; Буранов К.Б. Диалектика развития

критике подвергались представители национальной интеллигенции, деятели литературы и искусства, которые, несмотря на насаждение чуждой народу большевистской идеологии, стремились отстоять национальные традиции в отечественной культуре, сохранить вековое культурное достояние народа. Это касалось, в первую очередь, джадидов, таких известных поэтов, писателей, просветителей, как А. Фитрат, Чулпан, У. Насыр и др., обвиненных в национализме и репрессированных в 30-е годы.

Определенные шаги по объективному изучению проблемы сталинских репрессий были сделаны во второй половине 80-х годов¹. Начало этому положили российские историки. В 1993 г. для узбекского читателя стала открытием книга А. Авторханова «Империя Кремля»², в которой дается достаточно серьезный анализ национальной политики Советского Союза, в том числе периода репрессий.

Различным аспектам репрессивной политики советской власти посвящен целый ряд монографий, вышедших в России. Среди них можно выделить работу «Наше отечество. Опыт политической истории»³, книгу Т.И. Славко «Кулацкая ссылка на Урале 1930 – 1936 гг.»⁴ и др.⁵, в которых на обширном корпусе архивных данных отчетливо показана социальная, духовная и экономическая жизнь народов Союза в условиях репрессий.

В конце 80-х – начале 90-х годов и в Узбекистане появились ряд интересных работ, содействующих формированию новых подходов к оценке советской культурной политики и особенностей духовной жизни Узбекистана в советский период. В частности, в серии статей Р.А. Нуруллина, А. Маврулова, в монографических исследованиях С.А. Атамурادова, И.В. Мирзаева, А. Расулова, О. Шарафутдинова, Н. Худойбергана⁶ и ряда других авторов в публицистически заостренной форме стали подниматься вопросы губительного воздействия репрессивной практики тоталитаризма на духовную жизнь узбекского народа, необходимости реальной реабилитации представителей национальной интеллигенции, ставших жертвами сталинского террора.

Однако подлинного прорыва в исторической науке в этой области еще не было достигнуто. Ведь «перестроечные» мероприятия осуществлялись в русле косметического обновления тоталитарного режима, коммунистическая идеология все еще занимала господствующие позиции.

Только после обретения Узбекистаном независимости стали формироваться необходимые основы объективного исследования проблемы

социалистической культуры. – Ташкент, 1974; Шермухамедов С.Ш. Некоторые вопросы теории и практики развития социалистической культуры. – Ташкент, 1980; Каримов Р.А. Партийное руководство развитием культуры Узбекистана. – Ташкент, 1982; Баракаев Д.Б. Развитие культуры Узбекистана за годы советской власти. – Ташкент, 1984; Усманов К. Руководство компартии Узбекистана подготовкой и воспитанием кадров интеллигенции. – Ташкент, 1985 и др.

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. – М.: Прогресс, 1988.

² Авторханов А. Империя Кремля. – Ташкент: Чулпон, 1993.

³ Наше Отечество. Опыт политической истории. – М.: Терра, 1991.

⁴ Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. – М.: Мосгосархив, 1995.

⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960 гг. Справочник. – М.: Звенья, 1998.

⁶ Нуруллин Р.А. Как навешивали ярлыки // Правда Востока. 1989, 5 июня; Шарафутдинов О. Преданность в истине. – Ташкент, 1989; Мирзаев И.П. Человеческий фактор и художественное мышление. – Ташкент, 1990; Худойбергана Н., Расулов А. Узбекская советская литературная критика. – Ташкент, 1990; Атамуратов С.А. Национальное самосознание и интернациональное воспитание. – Ташкент, 1991; Хидояттов Г. Национальный вопрос в СССР. – Ташкент, 1991 и др.

репрессий 20–50-х годов и их реальное воздействие на интеллигенцию республики. Распоряжение Президента Узбекистана И.А. Каримова от 12 мая 1999 г. «Об увековечении памяти жертв репрессий в Узбекистане» воодушевил историков и способствовал зарождению целого направления в исторической науке, посвященного изучению причин, истоков и особенностей репрессивной политики властей в колониальный и советский периоды истории. При этом у историков республики есть понимание того, что в изучении любого другого вопроса здесь необходим объективный анализ, дабы увлекаясь этой темой, не забывать, что наряду с негативными явлениями, противоречиями в развитии, засильем моноидеологии, существовали достижения, главной причиной которых был сам народ, его терпение и трудолюбие¹.

Уже в начале 90-х годов и позже, в условиях изменившихся исторических и политических реалий стали появляться исторические труды, написанные в качественно новом методологическом ключе. Темы настоящего исследования, в той или иной степени касались работы Б. Алиева, Г. Гулямова, В.А. Германова А.А. Голованова, А. Маврулова, В. Мирзаева, С. Шермухамедова, Н. Мухитдинова, М. Нишанова, Т. Рахманова, И. Турсунова, Б.В. Хасанова, С. Шермухамедова, А. Чориева, Ю.А. Эргашевой, О. Ата-Мирзаева, В. Гентшке, Р. Муртазаевой и др.² Развитию темы во многом способствовала публикация воспоминаний Мунаввар Кори Абдурашидхонова, Шукурулло и др.³

Большое значение для исследуемой проблемы имела подготовка и публикация первых сборников документов, осуществленная рядом исследователей под руководством проф. Р. Шамсутдинова⁴, в частности

---

¹ Алимова Д.А «Эмансипация» истории и ее проблемы // История как история, история как наука. – Ташкент: Узбекистан, 2008. – С. 98.

² Гулямов Г., Хакимов Н., Алиев Б. Маданият ва жамяят. – Тошкент, 1993; Германов В.А. Историк Туркестана в условиях политического террора 20–30-х годов. – Ташкент, 2000; Голованов А. Тоталитарно-репрессивная природа коммунистической идеологии // Узбекистон тарихи: янги нигоҳ. Жадидлар харакати миллий мустақилликка кадар. – Тошкент, 1998; Алимова Д.А., Голованов А.А. Узбекистан в 1917–1990 годы: противоборство идей и идеологии. – Ташкент: Фан, 2002; Маврулов А.Д. Время духовного оздоровления. – Ташкент, 1992; Мирзаев С., Шермухамедов С. Замонавий узбек адабиёти тарихи. – Тошкент, 1993; Нишанов М. Обновление духовной жизни нации. – Ташкент, 1992; Рахманов Т. Социально-культурное строительство в Узбекистане в 30-е годы: Опыт и проблемы.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Ташкент, 1994; Турсунов И. Истиклолга интиланган қалблар нидоси. – Тошкент, 1993; Чорыев А. Проблемы народного образования и подготовки педагогических кадров Узбекистана (вторая половина 20-х – 30-е гг.). – Ташкент, 1998; Эргашева Ю.А. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития (50–60-е годы): Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. – Ташкент, 1998; Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов. – Ташкент, 2000; Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. – Ташкент: Янги аср авлоди, 2011 и др.

³ Абдурашидхонов Мунаввар Кори. Танланган асарлар. – Тошкент: Маънавият, 2003; Шукурулло. Погребенные без савана. – Ташкент, 1995.

⁴ Шамсутдинов Р. Кишлоқ фожеаси: Жамоалаштириш, кулоқлаштириш, сургун (Ўрта Осиё республикалари ри мисолида). – Тошкент: Шарк, 2003; Репрессия в 1937–1939 годы. Документы и материалы. – Ташкент: Шарк, 2005; Шамсутдинов Р., Мамажонов А. Шимолий Кавказ сургунидаги юртдошлар қисмати. – Тошкент: Шарк. – 336 с.; Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929–1955 гг. Документы и материалы. Т. I–III / Составители Р.Т. Шамсутдинов, В. Расулов. Под ред. Д.А. Алимовой. – Ташкент: Шарк, 2006, Т. I. – 656 с., Т. II. – 494 с., Т. III. – 351 с.; Шамсутдинов Р. Қатағон қурбонлари (1937 йил, 10 август – 5 ноябр). Иккинчи китоб. – Тошкент: Шарк, 2007. – 496 б.; «Репрессия» 1937–1938 гг. Документы и материалы. Выпуск третий. Жертвы большого террора из Узбекистана. 1937 год, ноябрь / Составители: Шамсутдинов Р.Т., Абдуллаев М., Дусматов Э.П., Курбанов Х.Р. – Ташкент: Шарк, 2008. – 537 с., Қатағон қурбонлари. Хотира (Бухоро вилояти). – Бухоро, 2009.

«Қишлоқ фожеаси» («Трагедия кишлака»), «Репрессия. 1937–1938 годы», «Трагедия среднеазиатского кишлака. Коллективизация, раскулачивание, ссылка (1929–1955 гг.)», которые содержат уникальные документы и материалы о сталинских репрессиях в городе и деревне, трагических последствиях коллективизации в 30-е годы.

Важным вкладом в историографию проблемы в годы независимости стали труды Р. Шамсутдинова, в частности, его работа «Шимолий Кавказ сургунидаги юртдошлар қисмати», выполненная совместно с А. Мамажоновым. Авторы используя рассекреченные документы архивных фондов Узбекистана, Москвы, Ставропольского края Российской Федерации, а так же опубликованные за рубежом документы, показали тяжелую жизнь высланных за пределы родины узбекистанцев.

Жертвам репрессий советской власти в Каракалпакстане посвящена книга Ш. Бабашер «Жазыксыз жазаланган репрессия курбанлары» (Естелик китабы)¹.

Важным, но малоизученным, а также вовсе не исследованным страницам истории Узбекистана трагического периода посвящены книги «Тарихни номаълум сахифалари» («Неизвестные страницы истории»)².

Особого внимания заслуживает публикаторская деятельность Благотворительного фонда «Шахидлар хотираси», издающая как публицистические, так и научно-популярные книги. Так, в популярной книге Х. Ахроровой «Изларингни излайман»³ содержатся сюжеты из жизни видных деятелей 30-х годов, подвергшихся репрессиям – С. Ахрорий, М. Абдурашидхонова, С. Тиллаханова, О. Нусратуллаева, М. Султанмуродовой, С. Холдоровой, С. Жабборова, основанные на материалах из личных дел репрессированных. К такого рода публикациям можно отнести и работы Н. Бокий, Н. Каримова, Х. Ниязова, С. Ахмедова, Ш. Турдыева и др.⁴

Также биографический характер имеют ряд работ Н. Каримова, освещающие жизнь и творчество узбекского литератора, одного из основателей узбекского театра Абдулхамида Сулейманова – Чулпана, одаренного спортсмена – Х. Иноятова, деятеля культуры К. Берегина⁵. Очерки «Қор қўйнидаги лолалар» («Тюльпаны в объятиях снега») рассказывают о жизни талантливых узбекских женщин, репрессированных в 30-е годы XX в.

В 2004 г. к 100-летию талантливого писателя Боту были опубликованы Н. Каримовым и Ш. Турдыевым его избранные произведения⁶.

¹ Бабашер Ш. Жазыксыз жазаланган репрессия курбанлары. (Естелик китабы). – Нукус, 2007.

² Тарихининг номаълум сахифалари. Илмий маколалар. Биринчи китоб. Хужжат ва материаллар. – Тошкент: Ғ. Ғулом нашриети, 2009; Иккинчи китоб. – Тошкент: Ўқитувчи, 2010.

³ Ахророва Х. Изларингни излайман. – Тошкент: Шарк, 1998. – 175 б.

⁴ Бокий Н. Қатлнома. Хужатли қисса. – Тошкент: Ғ. Ғулом, 1992. – 207 б.; Каримов Н. Истиклолни уйғотган шоир. – Тошкент: Маънавият, 2000. – 88 б.; Қор қўйнидаги лолалар (қатағон этилган аёллар ҳақида очерклар). – Тошкент: Академия, 2001. – 213 с.; Хусайнхон Ниёзий – халқ профессори. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий Энциклопедияси; Каримов Н. Хидоят Иноятов. – Тошкент: Фан, 2003; Бабашев Ш. Каракалпакстан республикаси тарийхындагы сиясий курбанлар (тарийхымыздын жазылмаган бетлери). – Нукус: Каракалпакстан, 2009; Сирожиддин Ахмад. Қаюм Рамазоннинг ушалмаган орзулари. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Миллий Кутубхонаси, 2005; Турдиев Ш. Улар Германияда ўқиган эдилар. – Тошкент, 2006. – 266 б.

⁵ Каримов Н. Курбан Берекин қисмати. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий Кутубхонаси. – Тошкент, 2006. – 112 б.

⁶ Боту. Танланган асарлар. – Тошкент: Шарк, 2004. – 129 с.

Не менее важным для источниковой базы исследуемой проблемы является мемуарная литература. Так книга известного общественного деятеля, проф. Н. Махмудовой посвящена воспоминаниям о ее отце Махмуде Ходиеве (Боту)¹.

Определенное внимание на научную разработку проблемы репрессивной политики советской власти оказали работы российских историков, наиболее интенсивно публиковавшиеся с конца 90-х годов и особенно в 2000-е годы. Это – работа П. Поляна «Не по своей воле»² об этнических репрессиях и принудительных миграциях; «Книга памяти жертв политических репрессии в СССР»,³ подготовленная Российской Национальной библиотекой и международным проектом «Возвращенные имена».

Деятельность советских спецслужб как контрольных органов, в сложные 30-е годы, хорошо вскрыта в работах О. Мозохина⁴, М. Тумшица⁵.

Большой интерес в исследовании проблем сложных 1920–1950-х годов представляет работа М. Азадовского и Ю. Оксмана «Переписка 1944–1954»⁶.

Вопросам реабилитации посвящена работа Н.Ф. Бугая⁷. Много информационного материала содержит «Каталог историко-документальной выставки «Советское общество и война»⁸, изданный Федеральным архивным агентством в честь 65-летия Победы во Второй мировой войне. В нем приведены неизвестные ранее документы и архивные комплексы, свидетельства непосредственных участников событий, неизвестные ранее документы о восприятии войны.

Зарубежную литературу представляют работы известного американского политолога, профессора Р. Такера «Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность»⁹ и исследования Р. Конквеста¹⁰. Его книга «Большой террор» посвящена исследованию причин, внутренней логике и масштабам террора, организованного Сталиным в 30-х годах XX в. Численные оценки жертв террора, сделанные Р. Конквестом, часто оспариваются. Однако, по нашему мнению важнейшая часть книги – это подробное отслеживание трагических событий 30-х годов XX в., подтвержденных документально.

Некоторый материал по исследуемой теме содержит работа таких зарубежных ученых, как А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже¹¹.

В работе Д. Виллера «Современная история Советской Центральной

¹ Махмудова Н. Катагон курбони кизининг хотиралари. – Тошкент: «Musiqа» нашриёти, 2007. – 306 б.

² Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. – М.: Мемориал, 2001. – 326 с.

³ Книга памяти жертв политических репрессий в СССР. – СПб., 2004. – 335 с.

⁴ Мозохин О. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Яуза; Эксмо, 2004. – 448 с.

⁵ Тумшиц М. ВЧК. Война кланов. – М.: Эксмо; Яуза, 2004. – 544 с.

⁶ Азадовский М., Оксман Ю. Переписка 1944–1954. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 410 с.

⁷ Бугай Н.Ф. Реабилитация (XX – начало XXI века). – М., 2006. – 463 с.

⁸ Советское общество и война. 1941–1945. – М., 2010. – 120 с.

⁹ Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность / Пер. с англ., общ. ред. и послесловие В.Я. Лельчука. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.

¹⁰ Conquest R. «The Harvest of Sorrow. Soviet collectivization and the Terror – fa mine». – New York, 1986; Конквест Р. Большой Террор. – М.: Ракст никс. 1991 – 416 с.

¹¹ Bennigsen A. Co-authorship with Chantal Lemercier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. – New York: Praeger, 1967. – 272 p.

Азии», рассматриваются культурные процессы, в том числе на территории Узбекистана и влияние советской репрессивной политики на них¹.

Н. Дуглас в монографии «Покрытая империя. Гендер и власть в сталинской Центральной Азии» наглядно показывает интенсивность культурной трансформации в регионе и ограничения советской политики в этой сфере².

Таким образом, анализ накопленной литературы по данной проблеме показывает, что историками к настоящему времени уже достаточно четко уяснены причины деформации культурного развития в 20–30-е годы как в Узбекистане, так и на всем пространстве бывшего Союза, в значительной мере осмыслен механизм торможения в духовной сфере, аргументированно показано, что многолетние репрессии, потрясавшие жизнь узбекского народа, как и других народов бывшего Союза составляли неотъемлемую черту советского тоталитарного режима, основанного на коммунистической идеологии.

В определенной мере стараниями отечественных ученых восстановлены отдельные страницы, связанные с трагической судьбой репрессированных в годы сталинского режима лучших представителей национальной интеллигенции, деятелей науки, литературы и искусства. Тем не менее, обширный пласт актуальных вопросов по истории репрессий в области культуры остался пока вне зоны комплексного изучения.

Связь диссертационной работы с тематическими планами НИР. Диссертационная работа входит в план научно-исследовательских работ Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

Цель исследования: изучение и исторический анализ в свете новой концепции истории Узбекистана политики репрессий советской власти, её негативного воздействия на культуру узбекского народа, а именно на систему просвещения, высшего образования, культурно-просветительскую сферу, науку, литературу и искусство Узбекистана.

Задачи диссертации. В контексте целевого замысла определены следующие конкретные задачи:

- рассмотреть генетику советской репрессивной политики и особенности ее выражения в рамках сталинизма в Узбекистане.
- показать концептуально-идеологическую взаимосвязь репрессивной природы политики советской власти и большевистской доктрины «культурной революции»;
- раскрыть и определить истоки антинациональной направленности советской «культурной политики»;
- проследить процесс формирования и усиления механизма торможения позитивных культурных процессов;
- проанализировать многовекторный спектр разрушающего воздействия репрессивной политики на систему образования, культурно-просветительскую сферу, науку, литературу и искусство.
- исследовать трагические судьбы репрессированных представителей национальной интеллигенции Узбекистана.

¹ Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. – New York: Frederick A. Praeger, 1964.

² Northrop D. Veiled empire. Gender and power in Stalinist Central Asia. – Cornell University Press, 2004. – 392 p. p.

Объект и предмет исследования. Объект настоящего исследования – репрессивная политика советской власти в области образования, культурно-просветительской сферы, науки, литературы и искусства в условиях сталинского режима в Узбекистане.

Предметом исследования являются аспекты репрессивной политики советской власти, проблемы воздействия политики репрессий советской власти на духовную жизнь Узбекистана 20–50-х годов, трагическая судьба репрессированных представителей национальной интеллигенции.

Теоретико-методологические основы исследования. В основу методологии исследования положены принципы научности, историзма и концепция цивилизационного подхода к изучению исторических процессов.

Основополагающее значение для решения исследовательских задач имели теоретико-методологические положения и выводы, содержащиеся в фундаментальных трудах и выступлениях Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова¹ и ряда постановлений и распоряжений Президента и правительства республики.

Для разработки инструментария и методологии исследования широко использовались работы видных отечественных и зарубежных историков по истории в целом и по истории советского периода.

Методы исследования. С целью объективного и всестороннего анализа научной литературы и материалов государственных архивов использовались историко-генетический, историко-системный, аналитический, сравнительный методы анализа. С учетом конкретной исторической и политической ситуации в исследуемый период, был использован принцип непреложности причинно-следственной связи исторически значимых процессов, методы отбора, классификации и систематизации различных исторических фактов и событий.

Решение данной проблемы на основе ранее неизученных архивных материалов, впервые вводимые в научный оборот, позволило создать картину самого противоречивого и сложного этапа в истории Узбекистана, и, таким образом восполнить пробелы в малоизученных страницах истории Отечества.

Источниковедческая база исследования. Исследователь разделил источниковедческую базу следующим образом: 1) документальные материалы архивов; 2) материалы периодической печати; 3) сборники документов и историческая литература.

1) В работе использованы документальные материалы, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз), в частности фонды: Р–837 – Совет Министров в Узбекской ССР (бывший СНК); Р–17 – Центрального Исполнительного комитета советов рабочих, дехканских и красноармейских депутатов ТАССР (октябрь 1918 по январь 1924 гг.); Р–25 – Совета Народных Комиссаров Туркестанской АССР 1917 – 1924 гг.; Р–34 – Материалы о деятельности Наркомпроса Туркестанской АССР за 1917–1924 годы; Р–86 – (1925–1932) Центрального испол-

---

¹ Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. – Т.7. Свое будущее мы строим своими руками. - Т.: Узбекистан, 1999. – С. 128 - 151.; Его же. Юксак маънавият энгилмас куч. – Тошкент: Маънавият, 2008. – 176 б.; Его же. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент: Узбекистан, 2011. – 386 с. и др.

нительного комитета рабочих, дехканских и красноармейских депутатов УзССР; Р-93 – Министерства финансов Узбекской ССР начиная с 1937 года; Р-94 – Министерства просвещения Узбекской ССР; Р-1619 – (1924–1955 гг.). Центрального статистического управления УзССР.

В исследовании были использованы материалы архивных фондов Службы Национальной Безопасности Республики Узбекистан, которые содержат много ценной информации о жизни и деятельности – как видных деятелей, так и рядовых людей, которых сталинский режим незаконно приговорил к различным мерам наказания. В диссертации также использованы материалы Госархива Ташкентского вилоята и др.

2) Следующую группу источников составляют газетные и журнальные материалы прессы 1920–1950-х годов¹.

3) Третью группу источников составляют опубликованные сборники документов и материалов, справочники и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исторический опыт свидетельствует, что в ленинской программе «культурного строительства» имелись отдельные внешне обоснованные положения. Однако, втиснутые в рамки утопических схем, они на практике оказались во многом извращенными. Претворение большевистских установок в жизнь обернулось бесчисленными жертвами, определило многолетнюю политику советского государственного терроризма.

2. Беспощадная борьба с «классовыми врагами» сопровождалась репрессивной политикой закладки политических и духовно-идеологических институтов социалистического общества, пагубной практикой атеистического экстремизма, силовым овладением информационными рычагами, установлением жесткого идеологического контроля в системе образования и духовного производства в целом.

3. Активные усилия предприняло сталинское руководство по обеспечению гегемонии «пролетарской идеологии» и принципов партийности в литературе, искусстве, науке, иных отраслях духовной жизни. И хотя в правительственных документах говорилось о необходимости сохранения национальной специфики, но речь шла исключительно о форме. Национальное сохранялось только во внешнем орнаменте.

4. Заметными этапами развертывания жесткого курса государственного терроризма выступили масштабные акции борьбы с «троцкизмом», «правым и левым оппортунизмом». В Узбекистане эта борьба вылилась в форму пресечения «буржуазного национализма», «пантюркизма» и «панисламизма». Их носителями была объявлена национальная интеллигенция, передовые представители которой стремились отстаивать традиционные духовные ценности и интересы собственного народа.

5. В 30-х годах скрытые акции политического террора все теснее стали переплетаться с разгулом массовых репрессий, охвативших страну, в том числе обрушившихся на среднюю и высшую школу Узбекистана –

---

¹ См. публикации в газетах: «Правда» за 1918–1935 годы; «Красная Заря» за 1920–1925 гг.; «Правда Востока» за 1928–1950 годы; «Северная коммуна» за 1918 г.; «Известия» за 1925–1950-годы, «Красная Бухара», «Кизил Ўзбекистон» за 1940–1950 годы, а также в журналах «Красный террор» за 1918 г., «Революция и национальности», «Красный рубеж», «За партию», «Революция и культура», «Пролетарская революция».

работников народного просвещения, преподавателей, студентов. Цель сталинских репрессий была уничтожение цвета нации, ликвидирование свободомыслия, укрепление сверхцентрализованной командно-казарменной системы.

6. Глубокий урон в годы сталинского режима был нанесен науке, особенно общественным дисциплинам. Истоки репрессивных акций сталинского режима по отношению к науке и ученым, как и по другим направлениям духовного производства, крылись в репрессивной природе советской культурной политики, базирующейся на монополии коммунистической идеологии.

7. С переходом к «развернутому социалистическому строительству» любая попытка отхода от официальных концепций, стремление ученых высказать собственную точку зрения не только грубо пресекалась, но и оборачивалась длительным тюремным заключением либо расстрелом.

8. Новая волна сталинской политики репрессивно-идеологического натиска на науку и ученых во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в. нашла отчетливое выражение в Узбекистане, где она традиционно осуществлялась, в первую очередь, под знаменем «искоренения национализма». Конкретное идеологическое выражение официальный курс на «преодоление националистических рецидивов» в республике нашел в решениях X съезда ЦК КП(б) Узбекистана, состоявшегося в марте 1949 г. В его решениях особенно подчеркивалась необходимость «подъема всей научной работы на уровень требований партии, неуклонного отстаивания большевистских принципов партийности в науке, непримиримой борьбы против реакционных теорий и воззрений».

9. Высшей точки достигла политическая травля научной интеллигенции на X пленуме ЦК КП(б) Уз (1952). На нем грубой критике были подвергнуты историки республики за «идеализацию феодального прошлого» и недооценку «прогрессивных последствий присоединения к России, ее воздействия на развертывание в крае революционного движения». Резкие идеологические обвинения обрушились на представителей экономической и филологической отраслей научного познания.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые на основе ранее недоступных материалов и архивных источников системно и комплексно изучена и раскрыта сущность советской репрессивной политики в Узбекистане в области культуры, выявлены её негативные последствия в духовной сфере, исследована и раскрыта генетика советской репрессивной политики. В ходе работы впервые обобщен столь разнохарактерный и разномасштабный материал в рамках единой концептуальной системы. В работе установлена и доказана антинациональная направленность советской «культурной политики», прослежены процессы формирования и усиления механизма торможения позитивных культурных процессов. Впервые исследован и раскрыт широкий спектр разрушающего воздействия репрессивной политики на систему образования, культурно-просветительскую сферу, науку, литературу и искусство Узбекистана; установлены этапы политических преследований национальной интеллигенции, выявлены и исследованы редкие архивные материалы по отдельным личностям и их трагическим судьбам, раскрыта их роль на пути

достижения независимости, а также судьба научных направлений и учреждений.

Научная и практическая значимость. Результаты диссертационной работы служат важным дополнением для истории Узбекистана советского периода, в частности в историю репрессивной политики советской власти.

Содержание диссертации, ее выводы и предложения могут быть использованы при проведении лекционных занятий для студентов по курсу истории Узбекистана советского периода, специальных курсов по гуманитарным специальностям, для магистрантов исторических и других факультетов, учащихся высших и средних специальных учебных заведений страны. Также материалы диссертации могут быть использованы для создания музеев по истории репрессивной политики Советской власти в области культуры в Узбекистане, при создании различных тематических сайтов, касающихся истории нашей Родины.

Реализация результатов. Материалы докторской диссертации использованы диссертантом при составлении типовых учебных и рабочих программ по предметам «История Узбекистана», «Узбекистан в годы колониализма и советского тоталитаризма» и используются для чтения лекционных курсов и включены в учебные и учебно-методические пособия: «История Узбекистана», учебное пособие для неспециальных факультетов. (Ташкент: Университет, 2002. – 10 п.л.); «Репрессивная политика тоталитарного режима в Узбекистане 1925–1980 гг.». Учебно-методическое пособие для студентов магистратуры. (Ташкент: Университет, 2003. – 3 п.л.); «История Узбекистана» электронный учебник, 2010 – для студентов бакалавриата и магистратуры Высших учебных заведений, рекомендованный Учебно-методическим советом Национального Университета Узбекистана. Также материалы исследования используются при разработке и преподавании курса «История Узбекистана» и других специальных курсов по истории страны.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были изложены на 20 международных и республиканских, научно-практических конференциях.

Работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, на заседании отдела истории XIX – XX веков Института истории АН РУз, а также на Научном семинаре при Объединенном специализированном совете при Институте истории АН РУз.

Опубликованность результатов работы. Материалы диссертации отражены в более чем 40 опубликованных научных работах диссертанта, включающих одну монографию, 4 учебные и учебно-методические пособия, 13 статей в научных журналах (в том числе 2 – в зарубежных) и 21 статью и тезисы в научных сборниках, материалах и тезисах конференций (в том числе 9 международных), а также 2 публикации на Интернет-портале «Ziyounet».

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. Общий объем диссертации составляет 340 листов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, формируется цель и задачи исследования, ограничивается объект и предмет исследования, характеризуется источниковедческая и методологическая база работы, раскрывается научная новизна и практическая значимость результатов, формируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «Идеологические основы культурной политики большевиков и особенности ее проявления в условиях сталинского репрессивного режима» рассматривает причины деформации общественной жизни в Узбекистане после захвата большевиками власти.

К моменту октябрьского переворота у большевистского руководства еще не имелось детально проработанной концепции «социалистического культурного строительства», но теоретико-методологические основы уже были заложены и они предполагали развертывание культурного строительства в русле социалистических преобразований.

В ленинской программе «культурного строительства» содержались отдельные внешне привлекательные для «простого люда» положения: требование бесплатного и обязательного обучения, необходимость резкого повышения уровня грамотности «трудящихся» и т.д. Но, собственно говоря, в этих установках не было ничего нового. Еще задолго до него известные просветители Востока и Запада сформулировали гуманистические принципы народного просвещения. Плодотворная просветительская деятельность называемая джадидизм проводилась на рубеже XIX–XX в. в Туркестане. Такие его представители, как – А. Авлони, М. Абдурашидхонов, М. Бехбуди, И. Ханхождаев и др. зачастую на собственные средства открывали народные школы, подготавливали современные учебники, издавали учебно-методическую литературу. Эти школы окончили десятки сотен молодых туркестанцев, внесших в последующем большой вклад в отечественную культуру. Так, выпускниками новометодных мактабов были Маннон Уйгур, Каюм Рамазан, Айбек, ставшие гордостью узбекской литературы.

Разрушающее воздействие на характер советской культурной работы оказывало ленинское требование о предельной идеологизации культурного воспитания и духовного производства. Для обеспечения пропаганды главенства РКП(б), а затем и ВКП(б) в Узбекистане, большевики активно использовали все возможные рычаги. Одним из них была так называемая красная чайхана. Для широкой организации ее работы было разработано «Положение о красной чайхане», где она призывалась быть «Очагом всей политико-просветительской работы в кишлаке»¹.

Неисчислимы беды в духовной сфере принесла связанная с коммунистическим учением ориентация на создание и утверждение «классовой культуры», стремление оторвать ее от общечеловеческих и национально-этнических корней.

---

¹ ЦГА РУз, ф. Р-34, оп. 1, д. 2607, л. 31.

Важной составной частью механизма культурных преобразований выступили меры по «революционному обновлению» системы народного просвещения. Под маской борьбы с «реакционной идеологией» предусматривалось превращение школы в прочную духовно-идеологическую опору советского строя, действенный инструмент формирования новой коммунистической идеологии. Многовариантная система народного образования была ликвидирована, на ее место пришла унифицированная единая трудовая школа. К концу 1920 г. в ТАССР действовало 280 советских школ, охвативших 174 820 учащихся¹. В основном они обслуживали европейское население, подавляющая часть мусульманских детей, несмотря на давление со стороны властей, продолжали обучаться в традиционных мактабах и еще сохранившихся новометодных школах. В первые годы советская власть была вынуждена считаться с этим. Но по мере укрепления советских школ, они были ликвидированы.

Для внедрения коммунистической идеологии в массы принципиальное значение придавалось массовой культурно-просветительской и политико-воспитательной работе. Проводилась масштабная работа по организации специфических советских культпросветучреждений – клубов, народных и рабочих домов, изб-читален, красных чайхан, красных юрт, которые были проводниками политики партии и центрального правительства. В 1920 г. в Туркестане насчитывалось 177 библиотек, 97 клубов, 76 красных чайхан, 172 избы-читальни². Конечно их создание в определенной степени активизировало население, усиливало их знания. Но вместе с тем их мощная идеологическая направленность конечно же не могла не оказывать влияния на сознания масс.

Жесткий идеологический контроль устанавливался в литературе и искусстве. Поощрялось зарождение так называемой советской литературы, музыкального и театрального искусства прокоммунистической направленности. «Перевоспитанию» подверглась в первую очередь творческая интеллигенция. Однако позиции советской власти в Туркестане в 20-е годы оставались еще достаточно слабыми, в социальных слоях общества сохранялось неприятие большевистского режима. Коренных туркестанцев консолидировала национальная, а не социалистическая идея.

В 30-е годы с усилением властей и роли Сталина советская модель «культурной революции» стала укрепляться. Администрация центра взяла курс на предельную тоталитаризацию всех сфер общественной жизни. И теперь уже речь шла не о «перевоспитании» враждебной социалистическому строю и властям интеллигенции, а ее уничтожение, и создание по существу новой интеллигенции, не просто лояльной, а преданной идеалам большевизма и руководителю страны И. Сталину. Все это шло наряду с ущемлением национального суверенитета. С конца 20-х годов XX в. активно свертывается так называемая «коренизация» аппарата власти, ликвидируются национальные районы, идет подавление национального самосознания, утверждается моноидеология.

Для обоснования необходимости репрессий был выдвинут тезис об

---

¹ ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 679, л. 32–34.

² Там же.

обострении классовой борьбы с «буржуазными элементами» в обществе, хотя на деле конфронтации с советским государством у таковых не было. Философия и психология государственного терроризма стала отличительной чертой практики большевизма в послереволюционные годы на всем пространстве советского государства. Рельефные формы она приобрела и в Узбекистане. Большевики неустанно призывали в красочно-враждебных выражениях рабочих и солдат бороться с открытыми и «замаскированными врагами революции», преподать «реакционерам кровавый урок». Показательна в этом отношении редакционная статья, опубликованная в официальном органе большевистских властей – газете «Правда» от 4 августа 1918 г. В ней говорилось: «Рабочие и бедняки! Возьмитесь за оружие, учитесь стрелять... Встаньте против всех, кто против советской власти агитирует. Десять пуль против каждого, кто поднимет руку против нас. Господству капитала можно положить конец, когда перестанут дышать последние капиталисты, помещики, попы и офицеры»¹.

После национально-территориального размежевания и образования Узбекской республики отмечался подъем национального самосознания народа, активизировались усилия либеральной части национального руководства и передовой интеллигенции по обеспечению национально-государственной самостоятельности. Центральная власть опасалась, что «контрреволюция внутренняя и внешняя, могут взять на вооружение сам факт национально-государственного размежевания» для развертывания «националистической пропаганды», отторжения Средней Азии от большевистского влияния. Попытки местных прогрессивных сил обеспечить официально провозглашенное право на национально-государственную самостоятельность были квалифицированы как «националистическая контрреволюция». Подобная трактовка разворачиваемых событий позволяла коммунистическим идеологам внести акцент с критики национальной политики в сторону классового противоборства. Для союзных верхов важно было в корне присечь любые формы идеологической оппозиции, поэтому Средазбюро, оценив «опасность усиливающейся националистической пропаганды в партийных рядах», призвало в решении VII пленума (2–4 июля 1925 г.) партийные организации повести активную борьбу со всеми ее проявлениями.

В соответствии с тем в Узбекистане развернулась кампания по разоблачению «новых идеологических установок национализма», за упрочение позиций «пролетарского мировоззрения». В связи с этим предпринимались шаги по проведению агитационной работы с помощью красных чайхан², изб-читален, библиотек, громко-читален. Еще одна характерная черта того времени – стремление сталинского руководства «огнем и мечом» вытравить не только оппозицию, но и саму мысль о свободном национальном самоопределении, последовательно трансформировать идеологические методы подавления в политические репрессии. Явным примером данной трансформации может служить «дело Иногамова», гонения против одного из основателя джадидского движения Мунаввара Кори Абдурашидханова, Фитрата.

¹ См., редакционную статью: Правда. 1918, 4 августа.

² ЦГА РУз, ф. Р-34, оп. 1, д. 2607, л. 18.

В конце 1929 г. начались аресты людей, которые якобы были членами национальной подпольной организации «Миллий истиклол» во главе с Мунавваром Кори. 85 человек были арестованы, 15 из них были расстреляны, остальные отправлены в исправительные лагеря. К смертной казни и длительным срокам были приговорены Рамзи, Н. Саидов, Боту, Х. Восилов, С. Кадыров и др.

Версию о существовании подпольных организаций «Миллий истиклол» и «Миллий иттиход» союзные правящие верхи активно использовали для нагнетания политической истерии, развертывания в Узбекистане масштабной кампании по повсеместному «разоблачению» конкретных проявлений некоммунистической идеологии и подавления оппозиционных выступлений. Все это подготавливало почву для идеологического оправдания и развертывания в республике массовых политических репрессий.

В конце 20-х годов были лишены работы и исключены из партии почти все работники бывшей «группы 18-ти», за противодействия засилью представителей некоренных национальностей в органах суда и прокуратуры. За попытки спасти от расправы национал-патриотов из среды местной интеллигенции были сняты с занимаемых должностей председатель Верховного суда Узбекистана С. Касымов, члены Верховного суда и Ташкентского городского суда Шарипов, Алимов, и судья Мирзачульского суда Мирзакаримов¹. Судебный процесс над ними был превращен в политический спектакль с заранее определенным концом. Под предлогом усиления классовой борьбы развернулись массовые репрессии против интеллигенции. Усилилось в исследуемый период наступление и на религию и в особенности на Ислам. Было уничтожено огромное количество старинных рукописей по исламской теории, мечетей, медресе, конфисковывались святые реликвии. Репрессиям подвергались и сами представители духовенства.

Заметное воздействие на активизацию репрессивных начал в идеологии и практике культурного строительства тех лет оказала, с одной стороны, острая политическая борьба, развернувшаяся в эшелонах высшей союзной власти, а с другой, стремление руководства и интеллигенции национальных республик реализовать конституционно закрепленное право на «свободное национально-государственное самоопределение».

В Узбекистане, все шире велись репрессии против представителей творческой национальной интеллигенции и ответственных работников, пытавшихся отстаивать национальные приоритеты, сохранить исконно народные духовные ценности, вековые традиции и обычаи. Дела так называемых «классово-враждебных элементов» уже с 1929 г. рассматривали «тройки (первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома и начальник местного отделения ГПУ)». Рассмотрение дел было чрезвычайно упрощено. Осужденные направлялись на принудительные работы в отдаленные районы, либо в тюрьмы и лагеря.

До начала 30-х годов XX в. репрессии были направлены главным образом на кулаков, нэпманов, «буржуазных специалистов», но с 1934 г.

---

¹ Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начало 50-х годов. – Ташкент: Академия МВД РУз, 2000. – С. 78–79.

начался новый, еще более мощный поток репрессий, захвативший партийных работников, духовенство, интеллигенцию. Очередным толчком для этого послужило убийство в Ленинграде 1 декабря 1934 г. члена Политбюро ЦК и Ленинградского горкома партии С.М. Кирова, как впоследствии было установлено тоже инспирированное Сталиным.

Таким образом сталинизм серьезно подорвал советскую культурную политику, вызвав глубокую деформацию духовной сферы общества на всем обширном пространстве СССР и в том числе в Узбекистане. Вместе с тем было бы ошибочно считать, что в этот период в культурном строительстве второй половины 20-х – начале 50-х годов XX в. наблюдался исключительно негатив. В этом отношении безусловно права Ю.А. Эргашева, отметившая, что «благодаря открытому и скрытому противостоянию народа, его созидательным усилиям культурное развитие в рамках «красной империи» предстало в виде сложного противоборства созидательных и деструктивных процессов»¹.

Однако методы исполнения, наполненные уничижительной по отношению к национальным традициям идеями, одновременно уничтожение несогласных, отвращало от властей наиболее сознательную часть передовой интеллигенции. Несмотря на это преобразования, которые способствовали становлению многих новых для Узбекистана отраслей науки, культуры, системы образования происходили. Советская власть форсированным ускорением «социалистического развития» народного хозяйства, культуры, добилась прежде всего повышения грамотности населения. Согласно постановления директивных органов «О всеобщем начальном обучении», принятом в июле 1930 г. по всей стране, в том числе в сельской местности, создавались школы первой ступени, средние школы.

В соответствии с установкой Центра 25 июля 1930 г. в Узбекистане также было принято постановление ЦК ВКП(б) о введении всеобщего обязательного начального обучения². Постановление объявило обязательным обучение всех детей в возрасте от 8 до 10 лет. Введение всеобщего обязательного начального обучения решено было закончить уже в 1931/1932 учебном году. Одновременно вводилось обязательное обучение для переростков 11–15 лет, не прошедших курс начального обучения – для них предлагалось открывать двух- и трехгодичные школы-курсы с созданием отдельных школ для девочек. Таким образом расширялась сеть сельских школ, а также осуществлялось обязательное обучение в объеме семилетки во всех городах республики, фабрично-заводских и рабочих поселках, намечалось повышение качества обучения и проведение политехнизации школы. Были открыты начальные школы с обучением и на других языках народов, населявших республику.

Все это создавало базу для последующей подготовки многочисленных кадров – специалистов экономики, науки, духовной сферы, государственного управления. Именно в этот период в Узбекистане были открыты многие вузы, ставшие впоследствии кузницей национальных

---

¹ Эргашева Ю.А. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития (50–60-е годы).: Авторефер. дисс. ... док. истор. наук. – Ташкент, 1998. – С. 24.

² Хронологическая таблица по истории Узбекской ССР (1917–1977 гг.). Ч. II. Методические указания для студентов заочного и вечернего образования. – Ташкент, 1977. – С. 39.

кадров.

Однако, продолжающаяся идеологизация общественной жизни и культурного строительства во многом сдерживала полноценное развитие. Моноидеология исключала подлинно свободное, плюралистическое существование культуры. Мощное и нарастающее из года в год влияние тоталитарных форм жизни подчиняло себе культуру, не оставляя вне своего унифицированного воздействия ни одну ее область.

За внешне внушительными цифрами количественного роста скрывались серьезные изъяны и диспропорции. В частности, вследствие «остаточного принципа» финансирования народного образования чрезвычайно бедной оставалась материальная база учебных заведений, что сказывалось на качестве обучения школьников и студентов, профессиональной подготовке специалистов. Предельно низким был социальный статус учителей.

Кроме ориентации на валовые показатели серьезное деформирующее воздействие на качество культурного строительства оказывал по-прежнему приоритет классового подхода. Закреплялось это воздействие целым рядом решений партийных органов. В частности принятым Постановлением ЦК ВКП(б) «О работе партийной организации Узбекистана» в области хозяйственного и культурного строительства от 25 мая 1929 г.¹ Исходя из тезиса «обострения классовой борьбы» началось решительное наступление против всех социальных групп и слоев, не вписывающихся в коммунистическую доктрину. Жесткая классовая линия проводилась при наборе в вузы, и техникумы, закрывая доступ молодежи с законченным образованием, но не принадлежавшей рабочему классу.

Таким образом, 20-е годы XX в. явились периодом становления в бывшем советском обществе, в том числе в Узбекистане, типа культуры, который можно охарактеризовать как противоречивый и переходный. Выбор был не за деятелями самой культуры, а за партийным руководством, которое в силу указанных выше причин не обеспечивало развития по первому пути. В 30-е годы XX в. в процессе эволюции советского государства утвердилась большевистская модель культуры. В результате, пройдя через множество деформаций, культура оказалась крайне ослабленной как в плане своего общецивилизованного содержания, так и с точки зрения исконно национальных обычаев и традиций.

Во второй главе диссертации «Репрессии в системе образования в Узбекистане в 1925–1950 гг.» проанализированы политические процессы в сфере народного образования и роль культурно-просветительских учреждений в коммунистической идеологизации общества. В главе отмечается, что в рассматриваемый период в развитии среднего специального и высшего образования в Узбекистане имели место известные достижения. Как уже отмечалось, широко развернувшаяся в 20–30-х годах реконструкция народного хозяйства, потребности становления и развития социалистической экономики и культуры, задачи масштабного переустройства объективно выдвинули на передний план проблему повышения общей грамотности населения, подготовки многочисленной

---

¹ Хронологическая таблица по истории Узбекской ССР (1917–1977 гг.). Ч. II. ... – С. 37.

армии специалистов. В соответствии с этим предпринимались энергичные усилия по массовой ликвидации неграмотности, развертыванию сети школ, средних и высших учебных заведений.

Одновременно «социалистическая модернизация» образовательной сферы сопровождалась глубокими деформациями. Как и по другим направлениям советского культурного строительства здесь отчетливо проявлялись открытые и завуалированные методы государственного насилия, политического террора¹.

Уже в середине 20-х годов XX в. был объявлен «пролетарский поход» в решении задач в духовной сфере. Применительно к Узбекистану одна из главных задач в этом отношении виделась в классовом пресечении «борьбы байства и духовенства» за школу, обеспечении полной коммунизации образовательного комплекса. В соответствии с решением этой задачи союзное руководство нацелило правительство республики с одной стороны, на расширение и укрепление советской «единой трудовой школы», с другой стороны – на ликвидацию традиционных мактабов. Во второй половине 20-х годов под удары попала мусульманская система образования. Состоявшийся в марте 1927 г. II съезд Советов Узбекистана в русле идеологических установок ЦК ВКП(б) поставил конкретную цель: «в ближайшие сроки закрыть конфессиональные школы не давая им возможности им существовать, ибо они являются вредными, ... портят наших детей»². Практическая реализация этой идеологической установки предполагала активное использование методов политического насилия. Партийно-советское руководство чрезвычайно тревожило, что к моменту провозглашения Узбекской ССР конфессиональная школа количественно превосходила сеть советских школьных заведений. Поэтому направляя политику атаки на традиционный жизненный уклад местного населения, сталинская администрация потребовала от Наркомпроса УзССР интенсивного проведения декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В контексте реализации данной задачи вновь обрушились гонения на религиозные учреждения, активизировались акции огосударствления вакфов³. ЦИК Советов УзССР 14 декабря 1925 г. принял постановление о вакфах согласно которому вакфная собственность религиозных культурно-просветительских учреждений объявлялась собственностью государства.

Одновременно велась работа по уничтожению старометодного образования. В 1926 г. было принято правительственное решение о ликвидации в течении двух лет всех старометодных школ или переходе их на унифицированную советскую учебную программу. Тем не менее, несмотря на ужесточение правительственного курса, старометодная школа сохраняла еще довольно сильные позиции. В 1926/27 учебном году насчитывалось 1305 старометодных мактабов с контингентом 9609 учащихся, 457 карыхона, где

¹ См.: Тиловатов Ф.У Политика культурной революции советской власти в 20–30-е годы XX века ее осуществление в Узбекистане.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Ташкент, 2009.

² II съезд Советов рабочих, дехканских, красноармейских депутатов УзССР. Стенографический отчет. – Самарканд, 1927. – С. 298.

³ Киселев И. Против бога и религии // К итогам партсовещания по антирелигиозной пропаганде при агитпропе ЦК КП(б) // За партию. – Ташкент, 1928. – № 1. – С. 84–86.

обучалось 1484 учеников¹. После закрытия директивными органами «старых мактабов», часть мактабов все же продолжала действовать подпольно.

В начале 1927 г. ЦК компартии Узбекистана по указанию центра объявил решительное наступление на всех фронтах идеологической борьбы «нового со старым» и, прежде всего, против религиозного сознания. Основываясь на партийно-идеологических установках, правительство республики упразднило в августе 1927 г. Главное вакфное управление и его местные органы, а все вакфное имущество было передано в ведение Наркомпроса Узбекистана.

В ноябре 1928 г. III сессия ЦИК Советов Узбекистана в соответствии с «генеральной линией» партии принял постановление об окончательной ликвидации конфессиональной школы². Тем самым было закреплено монопольное положение советской модели образования. Уже в 1929 г. сеть советских школ достигла 2238, где обучались 157 тыс. человек³.

С утверждением сталинского режима углубились деструктивные тенденции в постановке учебно-воспитательного процесса в образовательной сфере, усилились классово-репрессивные аспекты, меры по предельной идеологизации всей школьной деятельности строгой подчиненности дела обучения и воспитания интересам правящей коммунистической элиты. Сталинская администрация стремилась унифицировать учебные программы, методику обучения.

Как и в системе школьного образования глубокой деформации подвергся в 30-х годах учебно-воспитательный процесс в средних специальных и высших учебных заведениях. Немалую роль в укреплении тенденций идеологизации учебно-воспитательной работы в образовательной сфере, в том числе вузов и техникумов, сыграл выход в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)», ставший единственным источником по истории партии, а фактически и послереволюционного периода страны. Несмотря на фальсификацию, оттенки и выводы, изложенные в нем, они стали концептуальной основой всей постановки учебно-воспитательной работы. По существу вся история страны и республики была сведена к изучению истории большевистской партии. Глубоко политизированными и классово ограниченными оказались и другие общественные дисциплины. В 1936 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О перестройке преподавания политической экономии», и «О программе и учебнике политэкономии»⁴. Было решено ввести в практику преподавание вместо курса по экономической политике, как это было ранее, курс политической экономии социализма, где приоритетное значение придавалось усвоению студенческой молодежью закономерностей социалистической экономики, якобы имеющих объективный мировой характер. В подобном ракурсе строилось изучение философии и иных направлений общественнознания. Политизированные учебные планы и программы придали учебно-воспитательной работе строгость казарменного порядка⁵.

¹ ЦГА РУз, ф. Р-94, оп. 5, д. 43, л. 38.

² ЦГА РУз, ф. 86, оп. 1, д. 4773, л. 15-16.

³ Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР VI съезду Советов Узбекистана (1929-1930 гг.). – Ташкент, 1936. – С. 124.

⁴ История политической экономии социализма. – М., 1983. – С. 23-25.

⁵ Аршорунни А. Школа на Востоке // Революция и культура. – М., 1929. – № 1. – С. 34-39.

Постановление ЦК ВКП(б) 1929 г. «Об укомплектовании педагогических вузов», подчеркнуло необходимость изменения социального состава вузов. Рекомендовалось зачислять в педвузы не менее 65 %, а в педтехникумы не менее 80 % рабочих и крестьян. В постановлении так же говорилось в первую очередь вовлекать педагогические учебные заведения батраков и крестьянскую бедноту¹. То есть на передний план выдвигались не знания и квалификация, а классовая принадлежность, что обуславливало очевидную классовую дискриминацию юношей и девушек, происходящих из пролетарских слоев. Такая же линия проводилась в системе подготовке иных категорий специалистов в вузах и техникумах. Право на образование имели в первую очередь рабочие и их дети, в последнюю – дети служащих, в число которых входили и работники умственного труда. Вследствии этого уже в начале 30-х и рабочие и их дети составляли более трети выпускников вузов и техникумов (36 %)².

Организация рабочих университетов и рабфаков так же подчеркивали классовую направленность средне-специального и высшего образования. Таким образом не допуская до высшего образования молодежь с законченным школьным образованием, не принадлежавшим рабочему классу нарушался принцип социальной справедливости, а процесс пролетаризации интеллигенции облегчал властям решение задачи по использованию ее в своих политических интересах, в частности в виде «борцов со всякими проявлениями враждебной идеологии и классовыми врагами»³.

На рубеже 20–30-х гг. в Узбекистане политические гонения стали предприниматься против видных работников Наркомпроса. В период с июня по октябрь 1930 г. органами ОГПУ были арестованы Нарком просвещения республики М. Рамзи, его заместитель М. Ходиев (Боту), зам. председателя ГУСа и член комиссии Наркомпроса Б. Кариев (Алтай), зав. сектором Наук НКП Л. Аляви, член коллегии Наркомпроса и зав. Андижанским ОкрОНО Н. Саидов, зав. Главпрофобра НКП С. Кадыров и др. Все они «обвинялись в контрреволюционной национальной деятельности» в системе народного просвещения, а также в убийстве А. Саидова – главного свидетеля обвинения по процессу бывшего Председателя Верховного Суда УзССР С. Касымова⁴. Всего по этому делу проходило 19 человек.

В частности, 8 августа 1930 г. состоялось заседание коллегии Наркомпроса Узбекской ССР и бюро ячейки КП(б) Узбекистана, на котором был заслушан так называемый вопрос «О проявлении касымовщины на фронте просвещения»⁵. Основной акцент на заседании был сделан на том, что с «переходом к развернутому социалистическому строительству резко обострилась классовая борьба», считалось, что «классовые враги сознательно устраивались на руководящую работу, чтобы осуществлять контрреволюционную идеологию». Ведущим выразителем данной идеологии в сфере образования назывался Боту.

¹ Известия ЦК ВКП(б). – 1929. – № 8–9. – С. 18.

² ЦГА РУз, ф. Р–1619, оп. 12, д. 179, л. 74.

³ ЦГА РУз, ф. Р–94, оп. 5, д. 767, л. 24–25.

⁴ АСНБ РУз, архивно-следственное д. 83 по обвинению Ходиева (Боту), Рамзи и др., л. 107–108.

⁵ ЦГА РУз, ф. Р–94, оп. 5, д. 812, л. 5–12.

По похожему сценарию и на основании подобного рода сфабрикованных «признательных свидетельств» 31 марта 1933 г. постановлением коллегии ОГПУ М. Ходиев, М. Рамзи, С. Кадыров, Б. Кариев и Н. Саидов были приговорены к расстрелу. Остальные получили от 5 до 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях¹. Правда, первоначально приговор к расстрелу активистов указанных «контрреволюционных организаций» был заменен десятью годами ИТЛ. Но в последующем Боту и Рамзи были расстреляны.

Исходя из материалов силовых органов об «антисоветской деятельности в Наркомпросе» Средазбюро ЦК ВКП(б) 27 марта 1933 г. приняло специальное постановление, в котором резко критиковались руководящие работники системы народного просвещения за «политическую близорукость», а также указывалось, что органы НКП «не борются против чуждых элементов, проникающих в высшие учебные заведения и школы»².

Это постановление придало толчок развертыванию масштабной кампании чистки преподавательских кадров Узбекистана. К примеру, только в 1933/1934 учебном году по классово-идейным соображениям лишились работы около 9 % школьных учителей³.

В декабре 1937 г. – 9 января 1938 г. Совнарком и ЦК КП(б) Узбекистана приняли руководящее постановление «О мероприятиях по ликвидации последствий вредительства в системе Наркомпроса УзССР» Данное постановление привело к гонениям против рядового учительства. Например, в 1938/1939 учебном году были отстранены от работы в школе более 10 % учителей⁴, что болезненно сказалось на качестве учебно-воспитательной работы. В 1930 г. органами ОГПУ оказалось искусственно раздуто дело против подпольной антисоветской группы «Асоси Қонун Дўстлари» («Друзья основ конституции»), основанной в сентябре 1930 г., целью которой, якобы, являлось достижение Узбекистаном государственной независимости. По делу одновременно проходили студенты экономического факультета САГУ А. Афзалов, С. Турсунов, студент САХИПИ Д. Сулейманов и выпускник рабфака, брат Боту – С. Ходиев. Им ставились в вину критика национальной политики советской власти, которая по их утверждению «ничем не отличалась от колониальной политики царизма», требования о реальном воплощении конституционного права на свободное национально-государственное самоопределение узбекского народа, осуждение вздувшей волны арестов представителей национальной интеллигенции, сопровождаемой истреблением национальных кадров. Участники «группы» были приговорены к заключению – на сроки от 8 до 10 лет по статье «контрреволюционная деятельность»⁵.

В марте того же года Спецколлегия Верховного суда УзССР по стандартному обвинению в «контрреволюционной деятельности» приговорила к длительным срокам заключения группу работников ряда школ республики. В их числе директор школы № 77 г. Ташкента Иргаш

¹ АСНБ РУз, архивно-следственное д. 83, л. 109.

² См.: Алимova Д.А. Основные направления историографии культуры Узбекистана // Историческая наука в Узбекистане первой трети XX века (Историографические очерки). – Ташкент, 1994. Ч. II. – С. 276–277.

³ ЦГА РУз, ф. Р-94, оп. 5, д. 1176, л. 34.

⁴ ЦГА РУз, ф. Р-94, оп. 5, д. 3503, л. 77.

⁵ АСНБ РУз, архивно-следственное д. 42658, л. 62–64.

Шакиров, преподаватель Мансурбек Худоярхонов и др.¹ При этом особо подчеркивалось, что М. Худоярханов, будучи «внуком Кокандского хана, т.е. выходцем из социально чуждой среды, ... резко выражал контрреволюционные и националистические настроения, пытаясь создать в этой среде недоверие к существующему строю и советской власти».

Ширились карательные меры и в системе средних специальных и высших учебных заведений. Например, в декабре 1932 г. была арестована группа педагогов и учащихся сельскохозяйственных техникумов г. Самарканда².

Одним из таких широко разрекламированных явилось и «дело» учителя литературы Отдела узбекизации при Кокандском ГорОНО Ашурали Захири – известного просветителя и ученого, арестованного в сентябре 1937 г.³

Документальные источники свидетельствуют, что А. Захири отклонил многие выдвинутые против него обвинения, особенно по последним инкриминированным эпизодам. Тем не менее, в срочном порядке он был осужден и 28 декабря 1937 г. расстрелян.

По такому же сценарию органами НКВД были скроены дела арестованных в сентябре 1937 г. учителя средней школы г. Самарканда И. Рахматуллаева и учителя женской средней школы г. Халкабада Б. Сайдрасулева.

Таким же путем было сфабриковано дело об организации «контрреволюционной организации» в Андижанской области. Как было сказано, в обвинительном заключении, составленном 5 ноября 1937 г. начальником 3-го отдела Андижанского сектора НКВД УзССР старшим лейтенантом госбезопасности Бергом, в Андижане в течение многих лет действовала «националистическая группировка», которая «имела связь и поддержку в своей антисоветской работе со стороны разоблаченных... врагов народа: А. Икрамова, А. Каримова, А. Сулейманова (Чулпан), Боту, Рамзи, Фитрата и др.»⁴

Главными пунктами обвинения против группы учителей школ было участие в подпольной организации «Миллий-иттиход», стремившейся создать некое самостоятельное государство «Мусульман-абад»⁵. Все они согласно преступным законам того времени были расстреляны либо заключены на долгий срок в исправительно-трудовые лагеря.

Другим из нашумевших процессов тех лет, связанных с системой образования, стало так называемое «дело» профессора кафедры языка Ташпединститута Г. Юнусова, арестованного в июле 1937 г., обвинявшегося в пантюркизме и его распространении после поездок в Турцию и Каир еще в 1913–1914 годы. Усугубило его положение и связи с уже осужденными Мунаввар Коры Абдурашидхановым, Низаметдином Ходжаевым, Сагдуллой Турсунходжаевым⁶. Пункт обвинительного заключения о том, что Г. Юнусов был завербован английским резидентом в Ташкенте профессором А.Ф. Машковцевым и собирал «сведения о стратегических дорогах на

¹ Там же, д. 43743, л. 8–2.

² АСНБ РУз, архивно-следственное д. 5292, л. 221–306.

³ Там же, п. 24966, д. П. 24966, л. 16–20.

⁴ См.: Репрессия. 1917–1938 годы. Документы и материалы. – Ташкент: Шарк, 2005. Вып. 1. – С. 128–149.

⁵ Там же. – С. 128–149.

⁶ Архив СНБ РУз, П. 22950, л. 24.

Таджикистан и Памир»¹, так же был надуман и безоснователен. Вина проф. А.Ф. Машковцева состояла лишь в том, что заведя кафедрой языка в Промакадемии, он на факультете иностранных языков создал кружок «Любителей Англии», где изучалась история Англии и английский язык. Суд над обвиняемыми по делу Г. Юнусова был скорый. Судебное заседание продолжалось всего 20 минут. Он вместе с А.Ф. Машковцевым, Ш. Мусаевым, М. Салиховым и другими участниками процесса был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 4 октября 1938 г. Была также арестована жена Г. Юнусова – В. Юнусова по обвинению в «укрывательстве врага народа», а четверо их малолетних детей были направлены в спецдетдом².

Основываясь на надуманных обвинениях во вредительстве и буржуазном национализме, карательные органы по существу подвергли разгрому весь преподавательский коллектив ТашГПИ. В частности, репрессиям подверглись ректор Заргаров, проректор Романов, преподаватели Бабаев, Нурматов, Расулов, Шамсиев и другие³.

Во второй половине 30-х годов волна сталинских репрессий захлестнула и Узбекский научно-исследовательский институт педагогики, его многих талантливых национальных педагогов. В их числе Ходжаев, Гиязов, Ашрафи, Шамсутдинов и др.

Таким образом политический террор явился неотъемлемой составной тоталитарной трансформации системы народного образования – от ликвидации традиционного конфессионального образования и силового закрепления монополии советской школы, тотализации учебного процесса в учебных заведениях до внедрения классового принципа в системе подготовки будущих учителей и иных категорий специалистов в ВУЗах и техникумах, разгула массовых репрессий.

Одной из главных своих задач советская идеология видела в борьбе с религией, которая в 20-х годах приняла активный характер. Для усиления антирелигиозной пропаганды было создано общество «Курашчан худосизлар» (Воинствующие безбожники). При партийных комитетах были образованы специальные религиозные комиссии, в курсы подготовки и переподготовки учителей, в учебные планы профессиональных школ при медкабинетах организовывались показательные антирелигиозные уголки по различным направлениям атеистических знаний. В зимнее время с целью теоретической проработки вопросов широкого развертывания атеистического движения проводились антирелигиозные семинары учителей и партийно-пропагандистских работников.

Одним из важнейших направлений в развертывании массовой партийной агитации в середине 20-х годов явилась подготовка агитаторов из рабочих и дехкан. Заметное место в этом процессе занимало привлечение женщин местных национальностей. Одновременно в целях усиления культурно-массовой работы среди женщин в городах создавались женские клубы, число которых составило к концу 1925 г. – 21. В их деятельности

---

¹ АСНБ РУз, П. 229, л. 65.

² АСНБ РУз, архивно-следственное д. 107947, л. 138–140.

³ ЦГА РУз, ф. Р-94, оп. 5, д. 2650, л. 12.

участвовало около трех тысяч женщин¹.

Важным этапом в движении за «фактическое раскрепощение» женщин стал 1927 г. – год проведения массово-политической кампании «Худжум» («Наступление»), начало которой было положено решениями V пленума ЦК КП(б) Уз (март 1927 г.)².

Деятельность сети культурно-просветительских женских учреждений, безусловно, способствовали решению назревших проблем женской эмансипации. Вместе с тем ее предельная политизация обусловила деформационный характер проходивших процессов. Так, из-за силового давления на процесс «раскрепощения» женщин в Узбекистане развернулся мужской террор против них, результатом которого стали сотни погибших активисток.

К сожалению, за внешне внушительными показателями бурного количественного роста культурно-просветительских учреждений и средств массовой информации скрывались серьезные качественные изъяны. Будучи целиком подчиненными властным политическим структурам, они внутренне были нацелены на репрессивное разрушение базисных основ национальной духовности, нагнетание обстановки классовых боев, что приводило к уничтожению лучшей части интеллектуального потенциала республики.

XVII съезд ВКП(б) (1934 г.), февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) (1937 г.), принявшие курс партии на «ожесточенную борьбу с классовым врагом», и как считалось в «связи с обострением классовой борьбы по мере продвижения Советского Союза к социализму» послужили толчком к развертыванию массовых репрессий в стране и утверждению культа личности Сталина.

Таким образом тотализация духовной сферы трагически сказалась на деятельности высшей, средней школы, культурно-просветительских учреждений. Они во многом утратили свои исконные функции гуманистического просвещения народа. Тем не менее, даже находясь в условиях политического террора многие представители преподавательского корпуса, работники культпросвет учреждений стремились отстаивать национальные и интересы, донести до широких масс духовные ценности, содействуя тем самым духовному прогрессу народа. Особенно зримо это проявилось в начале 20-х годов и в период II-й мировой войны, когда сталинский режим вынужден был пойти на отдельные идеологические послабления.

В третьей главе «Воздействие сталинской репрессивной политики на науку в 1925–1950 гг.» говорится о серьезном уроне, нанесенном репрессивной политикой сталинщины отечественной науке, особенно общественным дисциплинам.

Наука, прежде всего общественные дисциплины, политизировались до предела, тем самым фактически отвергалась сама возможность открытий в науке. В условиях сталинского режима в Узбекистане погибли сотни и тысячи ученых.

С целью усиления идеологического контроля над всеми научными отраслями в 1918 г. по инициативе В.И. Ленина была создана специализиро-

¹ Женские клубы на Востоке. Сборник материалов 1-го Всесоюзного совещания работников женских клубов. – М.: Охрана материнства и младенчества, 1927. – С. 45.

² Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... – С. 278–279.

ванная организационная структура, названная Социалистической Академией, в 1924 г. она была переименована в Коммунистическую. Ей вменялась борьба с «противоматериалистическими учениями в области наук», а также «проверка вновь возникающих теорий и учений с точки зрения материализма и отбор материалистического зерна истины, заключающегося в новых открытиях от идеологической шелухи»¹.

Определенным этапом на этом пути стало проведенное осенью 1928 г. отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) специальное совещание с участием ведущих научных учреждений, посвященное проблемам истории и экономики². Принятая на нем резолюция, центральным пунктом которой был вопрос о «дальнейшем решительном разоблачении» буржуазной науки, на длительный период определила основные направления научной деятельности и атмосферу. Критика персоналий (у историков, к примеру, «под обстрелом» оказались ученые с мировым именем – Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и многие другие) дополнилась организационными мерами. В частности, были закрыты уникальные объединения научных учреждений – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения (ВНАВ), объединившие специалистов старой школы с растущими кадрами советских обществоведов. Деформации подверглось Общество историков-марксистов и Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Тем самым разрушался союз с беспартийными специалистами, ограничивались источники пополнения обществ, рождались разобщенность и недоверие. Массовой «чистке» подверглась союзная Академия наук. Эти процессы нашли зеркальное отражение в Узбекистане.

История, под воздействием сложившейся атмосферы нетерпимости, вражды, подозрительности и произвола, как наука оказалась полностью подчиненной репрессивной идеологии. Из нее были вычеркнуты имена участников исторических событий, оказавшихся жертвами политического геноцида.

Линия на нагнетание политической истерии в системе советского общественнознания подкреплялась партийными официальными постановлениями. Так, в январе 1931 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором говорилось: «Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и задач международного движения»³. Два месяца спустя в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. «О работе Комакадемии» подчеркивалось: «Обострение классовой борьбы нашло в последние годы свое яркое отражение и на теоретическом фронте. Буржуазное влияние сказалось в форме ряда антимарксистских и ревизионистских теорий...»⁴.

Еще больше этот процесс усилил «Краткий курс истории ВКП(б)», опубликованный под идейным руководством И.В. Сталина в 1938 г. Заложенные в нем ортодоксальные схоластические схемы, методологические

¹ Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). – Л., 1968. – С. 221.

² История и сталинизм / Составитель А.Н. Мерцалов. – М.: Наука, 1991. – С. 254.

³ Справочник партийного работника. – М., 1922. Вып. 3. – С. 340.

⁴ Там же. – С. 340–341.

стандарты и концептуальные оценки, искажающие историческое прошлое, определили направления обществоведческих, особенно исторических исследований на несколько последующих десятилетий.

Это нашло адекватное отражение и в Узбекистане. Правда нельзя отрицать, что за указанный период в развитии отечественной науки в республике наблюдались определенные достижения. Был заметно расширен корпус научных работников, созданы необходимые предпосылки по налаживанию обширной научно-исследовательской работы. В контексте решения этой задачи предпринимались меры по подготовке квалифицированных научных кадров, расширения сети научно-исследовательских учреждений. В результате уже в 1933 г. в Узбекистане функционировало 37 научно-исследовательских институтов, 45 научных пунктов, в которых трудились 12 тысяч научных работников¹.

Для повышения научно-педагогической квалификации кадров и поощрения их научной работы Постановлением СНК Узбекской ССР в то время были введены ученые степени и звания кандидата и доктора наук, ассистент, доцент, профессор. Талантливыми учеными и организаторами науки зарекомендовали себя Т.Н. Кары-Ниязов, Т.А. Сарымсаков (математик), Т.З. Захидов (биология), А.С. Садыков, Ю. Юнусов, Х.У. Усманов, К.С. Ахмедов (химики), Х.Ф. Фазылов, П. Салиев (история), Я. Гулямов (археология). Видную роль в развитии науки в Узбекистане играли также В.Р. Романовский, А.С. Уклонский, Н.Я. Корженевский, И.А. Райкова, В.М. Титов и др.

В 1936 г. учитывая наличие в Ташкенте высококвалифицированных научных кадров – 17 докторов и 23 кандидатов наук, а также оборудованных научно-исследовательских институтов, принимается решение о создании республиканского Комитета наук², в 1940 г. был окончательно оформлен филиал АН СССР в Узбекистане, председателем стал видный узбекский ученый Т.Н. Кары-Ниязов. УзФАН в 1940 г. принял тематический план научно-исследовательских работ на 1940–1943 гг., в котором предусматривалось: составление планов комплексных исследований в области развития хлопководства в Ферганской долине и Голодной степи, изучение производительных сил республики и их рациональное использование, освещение истории народов Узбекистана, их материальной и духовной культуры³.

27 сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление, удовлетворяющее просьбу правительства Узбекистана о реорганизации Узбекского филиала АН СССР в Академию наук Узбекской ССР. Торжественное открытие республиканской Академии состоялось 4 ноября 1943 г. Ее первым Президентом был избран Т.Н. Кары-Ниязов. В молодую Академию наук Узбекистана влилось 10 научно-исследовательских институтов. В конце 1943 г. в ней работало 210 научных сотрудников, в том числе 28 докторов и около 60 кандидатов наук. В первый состав Академии наук УзССР вошли 11 действительных ее членов и 18 членов-корреспондентов⁴.

К сожалению, этот объективно значимый процесс оказался серьезно

¹ ЦГА РУз, ф. Р-86, оп. 10, д. 122, л. 244–250.

² ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 4, д. 131, л. 64.

³ Там же, оп. 32, д. 1833, л. 9–26.

⁴ Академия наук Узбекской ССР. Справочник. – Ташкент: Фан, 1976. – С. 8–9.

деформирован сталинским произволом, вылившимся в акцию политических гонений и репрессий, затронувших судьбу многих талантливых представителей научной интеллигенции Узбекистана. Как известно никакие достижения не могут быть оправданием репрессией против безвинных людей.

Тотализация духовной жизни коснулась всех отраслей науки. Заметной фальсификации в 1930-е и последующие годы советского периода стали подвергаться страницы отечественной истории, связанные с внедрением в Среднюю Азию чуждой национальному менталитету социалистической государственности и движением сопротивления местных народов процессам насильственной советизации края. В этом отношении первоочередной репрессивно-идеологический удар обрушился на издания историков и публицистов, принадлежавших, по советской терминологии, к «буржуазно-националистическому лагерю». В частности, в пропаганде порочных идей джадидизма, панисламизма и пантюркизма, в националистическом оправдывании «контрреволюционной Кокандской Автономии» и «басмачества» были обвинены М. Бехбуди, А. Фитрат, Х. Муин, Сиддики и другие передовые представители национальной интеллигенции. Так же политическим гонениям подверглись представители среднеазиатской интеллигенции.

Еще в 1931 г. были арестованы 11 известных в Средней Азии ученых, преподававших на Восточном факультете САГУ, которые были осуждены и высланы из Узбекистана. Летом – осенью 1937 г. были репрессированы П. Салиев, К. Хашимов, З. Гимадиев, А. Фитрат, А. Хашимов, В. Яроцкий и другие сотрудники Института УзНИИМЛ*, УзНИИЯЛ**. Всем им в вину вменялась контрреволюционная пантюркистская деятельность.

Насильственное насаждение марксистской методологии, жесткая блокировка попыток прогрессивных исследователей объективно осветить исторический процесс, обусловили тотализацию отечественной востоковедческой и исторической науки.

Показательно и другое. Как правило, поднимались старые «дела», по которым представители творческой интеллигенции, преследуемые режимом, уже понесли наказание. Так, в 1937 г. был арестован автор изданной в 1926 г. популярной книги «Узбекская интеллигенция» Р. Иногамов. Ему не простили сформулированного в ней тезиса о том, что ведущую роль в развитии общества призвана играть не «диктатура пролетариата», а сам народ, духовно возглавляемый национальной интеллигенцией.

Еще раньше, в январе 1937 г. был арестован зав. экономическим отделом НИИ животноводства, автор ряда крупных работ по экономике сельского хозяйства Средней Азии и Узбекистана, будущий академик и Вице-президент Академии наук Республики К.И. Лапкин. Ему было инкриминировано «участие в троцкистской группе», а также предъявлено обвинение в «хранении и распространении контрреволюционной троцкистско-зиновьевской литературы».

Огромный урон понесла узбекская наука в связи с надуманными делами об организации «контрреволюционной деятельности» в Комитете

---

* УзНИИМЛ – Узбекский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма.

** УзНИИЯЛ – Узбекский научно-исследовательский институт языка и литературы.

наук Узбекской ССР, Научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма, НИИ языка и литературы, а также в других научных подразделениях республики.

В ходе поднявшейся волны политических репрессий во второй половине 30-х годов были арестованы многие видные представители научной интеллигенции Узбекистана, известные ученые-обществоведы, всем сердцем болевшие за судьбу Родины и своего народа. В их числе П.М. Салиев – первый узбекской профессор истории, выдающийся ученый, стоявший у истоков узбекской и среднеазиатской научных школ.

Одним из побудительных мотивов «раскрутки» кампании по «разоблачению вредительской контрреволюционной организации» в системе научных учреждений послужил арест в сентябре 1937 г. К. Берегина – бывшего сотрудника УзНИИМЛ, а на тот момент Завкультпросветом Отдела ЦК КП(б)Уз, и в октябре того же года Завотделом партпропаганды и агитации ЦК КП(б)Уз М. Усманова. Они обвинялись в «подрыве» линии партии по широкому распространению среди народных масс марксистско-ленинской «научно-теоретической литературы».

Подобные обвинения были предъявлены и другим научным сотрудникам, проходивших по надуманному делу о «контрреволюционной деятельности» в 1938 г. УзНИИМЛ – Х. Ахуну, С. Абдуссаттарову, З. Гимадиеву, В. Рахими, С. Валиеву, В. Яроцкому, А. Саидову.

По таким же «лекалам» было скроено «дело» и в научно-исследовательском институте языка и литературы (Уз НИИЯЛ) Академии наук республики. В ходе его расследования летом 1937 г. оказались арестованы А. Хашимов, А. Фитрат, Т. Ибрагимов, И. Ахмедов, Х. Зарипов, И. Султанов, К. Рамазанов, Г. Юнусов, И. Садри, С. Садыков и другие сотрудники института.

С новой силой репрессии против ученых Узбекистана поднялись после окончания II мировой войны. После победы, изменивший облик мира, народ возлагал огромные надежды на обновление духовной жизни, однако согласно концепции управления идеологией в послевоенные годы, соответствующие властные структуры должны были придерживаться следующих принципов: а) противопоставление «советской» культуры западной, которая по-прежнему считалась буржуазной, с тем, чтобы в условиях возникших после общей с союзными странами военной победы, поставить заслон на пути культурного сближения с народами этих стран, как крайне опасного для народов СССР; б) дальнейшее возвеличивание И. Сталина, как главного теоретика в вопросах не только политики и экономики, но и в вопросах науки и культуры.

В этом русле принимается ряд партийных постановлений, которые должны были укрепить основы советской власти в послевоенный период. Начало целенаправленному натиску на творческую интеллигенцию было положено постановлением ЦК ВСП(б) от 6 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В Узбекистане традиционно борьба с инакомыслием проходила, в первую очередь, под знаменем «искоренения национализма». В этом русле были решения X съезда ЦК КПУз, состоявшегося в марте 1949 г. который призывал к непримиримой борьбе против реакционных теорий и воззрений.

В зоне повышенного идеологического контроля находились научные дисциплины, занимающие ведущее место в становлении духовно-мировоззренческих представлений и самосознания человека. В их числе первоочередное внимание уделялось философской, филологической, экономической и исторической наукам. Относительно состояния исторической науки в решениях X съезда КП Уз подчеркивалось, что оно «не отвечает требованиям правильного марксистского освещения основных проблем исторического развития узбекского народа. Съезд, руководствуясь идеологическими инструкциями Центра, потребовал от Института истории Компартии Узбекистана и Института истории АН РУз «... вести самую решительную борьбу с попытками протаскивания в историческую науку национализма, безродного космополитизма и других враждебных ... взглядов»¹.

Идеологический наказ вылился в широкую кампанию по осуждению в научных учреждениях, на страницах печати ученых, стоявших на так называемых «националистических» позициях и позитивно оценивающих историческое прошлое своего народа. Особому осуждению подверглись литературоведы и языковеды республики.

В статье М. Иванова, В. Лаврова, Ф. Искандарова, опубликованной в газете «Правда Востока» от 21 августа 1951 г. под названием «В стороне от задач узбекской литературы»², ученые того же института обвинялись в недостаточном следовании «гениальному учению товарища Сталина о языке», в отрыве от «боевых» проблем советского литературоведения, за «протаскивание космополитических, пантюркистских, панисламистских, паниранистских взглядов».

Грубая критика в адрес ученых-литературоведов была продолжена на IV пленуме Союза писателей республики³.

Системной политизации подверглась даже такая, казалось бы далекая от идеологии научная дисциплина, как этнография. Так, 23 января – 3 февраля 1951 г. в Москве было проведено Всесоюзное совещание этнографов, которое было организовано Институтом этнографии АН СССР совместно с профильными научными учреждениями Академий наук союзных республик, в том числе Узбекистана. Центральной темой этого совещания стали вопросы борьбы с «буржуазным космополитизмом»⁴.

Апофеозом политической травли научной интеллигенции республики явился X пленум ЦК КП(б) Узбекистана (21–22 февраля 1952 г.), где ударам критики подверглись ученые историки, которые якобы, мало внимания уделяют исследованиям советского периода. Как констатировалось на пленуме, «... научные работники увлекаются изучением преимущественно истории и культуры отдаленных эпох». При этом, «допускают идеализацию феодального прошлого». В качестве примера таких «принципиальных ошибок» назывались материалы «Истории народов Узбекистана»⁵. Особенно

¹ Компартия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 2. 1938–1959. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – С. 384.

² Иванов М., Лавров В., Искандаров Ф. В стороне от задач узбекской литературы // Правда Востока. 1951, 21 августа.

³ См. информцию: Правда Востока. 1951, 28 августа.

⁴ См.: Вестник АН СССР. – М., 1951. – № 2. – С. 100–108.

⁵ Правда Востока. 1952, 24 февраля.

острой критике подвергся второй том, редакторами которого являлись В.Я. Непомнин и В.А. Шишкин. Классовый подход по мнению докладчика был нарушен и в оценке национальных движений¹.

Резкой критике подверглась на X пленуме работа Института востоковедения АН УзССР. Его работникам ставилось в вину то, что они не занимаются проблемами «разоблачения происков американо-английского империализма на Востоке и контрреволюционных теорий пантюркизма и панисламизма».

В отсутствие «научного марксистского подхода к изучению культурного наследия прошлого» был вновь обвинен Институт языка и литературы Академии наук².

Историки Р. Абдушукуров, Г. Ризаев, С. Раджабов, А. Бабаходжаев и др. были обвинены в «недооценке значения Октябрьской революции для народов Средней Азии»³.

Такой подход конечно имел тяжелые последствия для творческой интеллигенции. Постановление X пленума ЦК КП(б) Уз дало толчок новому витку гонений. Часть из них была арестована, а большой знаток восточной и западной литературы проф. Хамид Сулейман был приговорен судом к 25 годам заключения в ИТЛ*. Другие подверглись политическому и административному наказанию. В частности, философ В. Захидов был исключен из партии и лишился возможности полноправно заниматься научной деятельностью. Такая же участь постигла и многих других. Лишь после смерти Сталина процесс шельмования, дискредитации и гонений на творческую интеллигенцию в Узбекистане был заторможен, всех арестованных освободили. Однако последствия подобной травли ученых в течение всех последующих советских десятилетий давали о себе знать.

Таким образом сталинский способ управления образовательной и научной деятельностью обусловил глобальную деформацию нравственных устоев научного сообщества.

В четвертой главе диссертации – «Идеологизация литературы и искусства и репрессии в этой сфере в 1925–1950 гг.» раскрываются процессы деформации в сфере литературы и искусства в Узбекистане.

Развертывая «Культурную революцию» руководство Союза придавало принципиальное значение ускоренному формированию по марксистским стандартам новой «социалистической» литературы и искусства. Об этом многократно говорилось на различных пленумах Средазбюро ЦК РКП(б)⁴. Большевицкие идеологи осознавали, что литература и искусство, составляя сердцевину художественной культуры, представляют активную преобразующую силу, оказывает огромное воздействие на формирование общественного и индивидуального сознания, на мировоззренческие представления людей. Об устойчивом внимании к этому вопросу свидетельствуют материалы XI, XII, XIII, съездов РКП(б), XII партийной конференции, где конкретизируются теоретические положения большевиков

¹ Правда Востока. 1952, 24 февраля.

² Там же.

³ Там же.

* ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь.

⁴ Зеленский И. Итоги пленума Средазбюро ЦК РКП(б) // Красный рубеж. – М., 1925. – № 3. – С. 3–13.

о культурном строительстве.

Таким образом изначально революционные преобразования в литературе и искусстве, должны были укладываться в жесткие рамки классово-партийного подхода, силового административного давления, объективно несовместимых со свободой творчества. В Узбекистане как и в других союзных республиках, «социалистическая» литература и искусство конструировались по схеме центрального руководства из принципов коммунистической идеологии и его политических интересов. Национальный фактор, если и присутствовал, то только во внешней форме. При этом вековая культура узбекского народа искусственно разделялась на «классово-враждебную» и «революционно-демократическую».

Этот процесс особенно усилился с провозглашением курса на «развернутое наступление социализма по всему фронту». В области литературы и искусства на первое место выступает так называемая «марксистско-ленинская критика». Заметно расширилось внимание руководства компартии к вопросам идейного содержания театров. В мае 1927 г. при Агитпропотделе ЦК ВКП(Б) было созвано специальное Всесоюзное совещание по театру, которое определило основные направления развития советского театра.

Особое значение уделялось властями и к кино, как самому массовому из искусств, которое так же должно было, пропагандировать новые социалистические элементы во всех областях общественных отношений.

В реализации задач обеспечения «идейной чистоты» художественных произведений, создания прочного заслона на пути проникновения чуждой идеологии решением союзного правительства в центре и в республиках были образованы специализированные органы цензуры – Главные управления по делам литературы и издательств (Главлит). В частности, постановление Совнаркома Узбекской ССР об организации Узглавлита было принято 8 февраля 1927 г.¹ В положении о нем подчеркивалась строгая регламентация печатных произведений в целях защиты населения «...от влияния антисоветской идеологии»².

В главе рассматриваются документы, свидетельствующие об усилении курса политизации литературы и искусства в 30-е годы. В это время были созданы новые творческие объединения, которые на протяжении своего существования подвергались «чистке» в форме проверки его каждого представителя на предмет степени его участия в социалистическом обновлении. Особенно это касалось созданного 1932 г. «Союза художников Узбекистана» и в 1934 г. «Союза писателей Узбекистана».

Линия на политизацию литературы и искусства увязывалась с национальной политикой советского руководства, которое свое внимание в идеологической сфере сосредоточило на «развенчании местного национализма». Вместе с тем, важно подчеркнуть, что оно пришло к мнению о необходимости уделять большое внимание вопросам развития национальной культуры в рамках социалистического строительства, что несомненно служило бы повышению авторитета власти.

В этот период несмотря на тормозящие идейно-политические факторы,

¹ ЦГА РУз, ф. Р-837, оп. 3, д. 23, л. 17.

² Там же, л. 17-20.

благодаря созидательному труду народа и творческой деятельности национальной интеллигенции в Узбекистане в духовно-культурной сфере были достигнуты известные успехи. В частности, большой вклад в развитие узбекской словесности внесли писатели, поэты драматурги – А. Кадыри, У. Носир, А. Фитрат, Чулпан, Боту, а так же представители новой волны национальной литературы – Айбек, Х. Алимджан, Зульфия, А. Каххар, Г. Гулям, Гайрати, Уйгун, М. Шайхзаде и др. Обогатились традиции театрального музыкального искусства, всеобщей любовью пользовались в те годы такие талантливые мастера сцены, как Кари-Якубов, Х. Насырова, Ш. Бурханов, Н. Рахимов, Тамара Ханум, М. Тургунбаева, А. Ходжаев, А. Хидоят, Я. Сарымсакова. Среди талантливых композиторов были известные мастера Т. Джалилов, Ю. Раджаби, М. Ашрафи, Т. Садыков.

К 1940 г. в республике насчитывалось уже 45 разнопрофильных театров. Заметными темпами развивалось общественное киноискусство и яркие представители этой сферы: Н. Ганиев, С. Ходжаев, К. Ярматов, М. Каюмов, Э. Хамраев, Р. Пирмухамедов и др., росли кадры национальных художников. Среди них художественным мастерством выделялись Д. Абдуллаев, Х. Насреддинов, У. Тансыкбаев, Б. Хамдами, Усто Мумин, а также первая узбекская художница – Шамсаой Хасанова.

Но значимые явления в области литературы и искусства сопровождались глубокими деформациями.

Идеологической основой наступления на художественную литературу послужили политические установки центрального партийного руководства по широкому развертыванию идейной борьбы против «буржуазного национализма» и националистических концепций.

Еще на III Пленуме ЦК КП(б) Уз (12–16 мая 1926 г.), где был рассмотрен вопрос об «Очередных задачах на идеологическом фронте» говорилось, что главные политические силы, разжигающие «внутреннюю националистическую контрреволюцию это старая интеллигенция и национальная буржуазия. В то же время на пленуме была дана оценка джадидизма, как «националистической, контрреволюционной идеологии местной буржуазии»¹.

В Узбекистане в 20-е годы среди литераторов существовали многочисленные группировки и течения, отражавшие различные художественно-стилистические и идейные представления. В их деятельности прослеживались две тенденции: с одной стороны, стремление к объединению для решения задач строительства социализма, с другой – попытки отстоять независимость художественного творчества от политики партии и государства. Среди последних можно назвать литературное объединение «Чигатой гурунги» («Чагатайская группа»)². Задачу формирования новой пролетарской культуры ставило перед собой художественное течение – Пролеткульт. Это была целая сеть литературно-художественных и культурно просветительских организаций. На этой волне в 1926 г. в Самарканде было создано общество «Қизил қалам» («Красный карандаш» или «Красное

¹ Резолюции III-го Пленума ЦК КП(б) Уз. – Самарканд, 1926. – С. 11–12.

² «Чигатой гурунги» – литературно-лингвистическое объединение, созданное в 1919 г. при Наркомпросе Туркеспублики. Члены этой организации проводили большую работу по сбору устного народного творчества, подготовке реформы алфавита.

перо»). Но оно не придерживалось грубо вульгаризированного подхода к сложным проблемам духовной жизни, вслед за «Чигатой гурунги» стараясь сохранить приоритет национального фактора в подходах к художественно-литературному творчеству.

Процессы духовной нивелировки проходили не столь стремительно, как ожидало сталинское руководство. Партийные и советские документы тех лет, посвященные вопросам литературной жизни Узбекистана, содержат частую критику молодого поколения писателей за то, что они слабо освещали «героическую борьбу против классовых врагов». Это послужило поводом для сталинской администрации инициировать «массовые чистки» рядов художественной интеллигенции, сопровождаемые политическими гонениями.

В числе поэтов, писателей, драматургов Узбекистана, попавшие в 30-е годы под политическую чистку оказались Боту, Рамзи, Баис Кариев (Алтай), Гулям Зафари, Миртемир Турсунов, Вадуд Махмудов, Абдурауф Фитрат, Чулпан, Эльбек, А. Кадыри, К. Берегин, У. Насыр, Р. Муминов и др.

Для того чтобы создать пролетарские кадры в сфере литературы Узбекистана, укрепить их позиции, в республике была учреждена Узбекская ассоциация пролетарских писателей (УзАПП). Она сторонилась старых «националистических писателей», предпринимала усилия по «пролетаризации» национальной литературы. Но в принципе ее руководство больше внимания уделяло административной деятельности. К тому же в ней также зародились разнообразные идейные течения, что не устраивало партийное руководство.

Заметной вехой на пути утилизации литературы по стандартам классово-партийного подхода стало постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., направленное на «социалистическую перестройку литературного дела»¹. Вслед за его принятием все прежние литературно-художественные объединения стали ликвидироваться, а взамен создавались новые литературные организации и творческие союзы, находящиеся под бдительным партийным контролем. К 1932 г. Узбекская организация советских писателей насчитывала около 300 деятелей литературы.

Надо сказать, что раздувая «дело» о «националистически-контрреволюционной деятельности» Боту, Рамзи и Алтая, сотрудники ОГПУ стремились включить в него как можно больше представителей творческой интеллигенции Узбекистана, чтобы показать наличие в республике разветвленной сети подпольных организаций «националистической» направленности. Уже тогда предпринимались настойчивые усилия по компрометации, с одной стороны руководящих работников республики, а с другой – видных деятелей литературы и искусства, в частности, Фитрата, Чулпана и Эльбека. Показательно в этом отношении дело писателя и драматурга Г. Зафари и литератора М. Турсунова, которые были осуждены на длительные сроки и высланы в Сибирь.

Наряду с названными деятелями национальной литературы жертвами репрессий стали в 1937–1939 гг. также мастера художественного слова, как З. Саид, К. Салихов, М. Суфизода, Т.-Т. Ходжамеров, А. Ходойбахитов и др.

---

¹ История Узбекской ССР. В 4-х томах. – Ташкент: Фан, 1967. Т. 3. – С. 570.

Жесткой политической цензуре подверглось театральное и музыкальное искусство, зарождающаяся узбекская кинематография. Правда в силу предварительной идеологической фильтрации театрально-музыкальных произведений, киносценариев в этой сфере политические репрессии не приобрели столь масштабного характера, как в литературе, науке и в системе народного образования. Тем не менее, и здесь предпринимались неоднократные репрессивные акции. Показательно в этом отношении так называемое «Андижанское дело», которое искусственно было раздуто в июле – ноябре 1937 г. По нему проходило 28 представителей национальной творческой интеллигенции, в том числе деятелей искусства. Как указывается в материалах следствия, они обвинялись в том, что «являясь активными участниками контрреволюционных, повстанческих организаций («Шурои Ислам», «Миллий-Иттиход» и др.)», с первых лет установления советской власти «являлись непримиримыми врагами существующего в СССР советского строя» и будучи в подполье вели активную деятельность, направленную на ослабление мощи Советского Союза. При этом подчеркивалось, что участники данной группировки будто бы имели связь и поддержку в своей антисоветской деятельности со стороны уже репрессированных: А.Икрамова, А.Каримова, А.Сулейманова (Чулпан), Боту, Рамзи, Фитрата и др.

В обвинительном заключении, предъявленном арестованным по «Андижанскому делу», указывалось, что они в качестве основной ставили перед собой задачу «широкого распространения буржуазно-националистических идей среди населения». Особо отмечалось роль в этом деле Андижанского Узгостеатра, якобы ведущего там разложенческую, подрывную националистическую деятельность. В числе репрессированных оказались работники Андижанского театра, директор Р. Рахимов, режиссер Р. Султанов, драматург И. Каримов, а также поэт и певец С. Сафиев¹.

Со вступлением СССР во II Мировую войну репрессии в духовной сфере относительно стихают, но принимают своеобразную форму. Это было связано, во-первых с тем, что сталинская репрессивная машина в условиях военного времени в большей степени была нацелена, с одной стороны на установление жесткого режима работы во всех звеньях народного хозяйства, на преследование работников и руководителей, не обеспечивающих выполнение плановых заданий; на поиск «диверсантов» и «пособников врага» в тыловых районах, когда не только отдельные лица, но и целые народы обвинялись в предательстве и были депортированы из мест исконного проживания. А с другой, развернулся политический террор в действующей армии, где были введены жесточайшие наказания военачальников и рядовых бойцов за неудачи на поле боя или отступление без распоряжения свыше.

Во-вторых, с началом войны, когда реально встала угроза поражения, вызванная грубейшими просчетами союзного руководства в военном строительстве, сталинская администрация вынуждена была сместить акценты в официальной советской пропаганде и в концептуальном подходе к содержанию научной и художественной деятельности творческой

---

¹ Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы / Сост. Р.Т. Шамсутдинов, Н.Ф. Каримов, Э.Ю. Юсупов. – Ташкент: Шарк, 2005. Вып. I. – С. 128–129.

интеллигенции. Если раньше в духе классового подхода политическим преследованиям подвергались представители национальной интеллигенции, стремившиеся заострить внимание на национальном факторе, рассказать о богатом духовном наследии своего народа, то в тяжелых условиях начального этапа войны политическое руководство страны смягчило свое отношение к национальным аспектам духовной жизни. В советской официальной пропаганде стали доминировать идеи и лозунги национального мужества и векового патриотизма, национального единства. Стали возвращаться имена национальных героев прошлого, пропагандироваться народный эпос, т.е. национальный фактор, за обращение к которому в недавнем прошлом деятели культуры обвинялись в «буржуазном национализме», теперь рассматривался в качестве одной из ведущих предпосылок разгрома врага.

В такой обстановке некоторой идеологической либерализации, обозначившейся на начальном этапе войны с фашистскими захватчиками, резко возрос интерес к национальному классическому наследию. Патриотические начала проявились повсеместно, в деятельности научной и творческой интеллигенции. К примеру, ученые института истории и археологии АН РУз ССР подготовили в годы войны к печати ценные работы об этногенезе народов Средней Азии, их быте и вековой культуре. Сотрудники Института языка и литературы завершили очерки по истории узбекского языка, опубликовали работы, посвященные славным страницам узбекского героического эпоса.

Большая научно-поисковая работа была проведена в связи с 500-летием великого узбекского мыслителя и поэта Алишера Навои. Были изданы научные труды, в которых на базе осмысления богатого документального материала описывалась жизнь и творчество Алишера Навои, раскрывалась история и особенности культурной жизни его эпохи.

Плодотворно трудились на узбекской земле мастера литературного жанра. Взволнованно и проникновенно писали поэты и писатели о родном крае, его истории, вековом духовном наследии, таким образом силой художественного слова поддерживая боевой дух народа, укрепляя веру в победу.

В дни войны особое место в духовной жизни заняла публицистика. Статьи, памфлеты Х. Алимжана, Г. Гуляма, А. Кахара, Айбека, Айдына, А. Умари, М. Исмаили, М. Шайхзаде, Зульфийи, Туйгуна, Миртемира, С. Ахмада, Б. Рахмана и других обличали фашизм, говорили о самом важном – о судьбе Родины, о долге каждого человека.

Настоящий подъем переживало театральное искусство. В условиях военного времени в Узбекистане работал 51 театр (35 местных и 16 эвакуированных) на их сценах шли спектакли, находящие живой отклик у зрителей.

Патриотический подъем деятелей культуры ярко проявился и в музыкальном творчестве. Музыкальные образы эпической мощи, героики в сочетании с возвышенным идеалом – таковы стали характерные черты произведений Т. Садыкова, М. Ашрафи, Д. Закирова, Т. Джалилова, Н. Хасанова, М. Бурханова, Ю. Раджаби и др.

Патриотическая тема стала ведущей в документальном и художественном киноискусстве. Работники узбекской кинематографии

создали за годы войны цикл короткометражных фильмов – киноновеллы, кинорассказы, очерки, сатирические сценки, а также несколько специальных фильмов-конcertов для бойцов фронта. Кроме того, было выпущено 10 звуковых фильмов, вошедших в золотую сокровищницу отечественного кинематографа.

В целом же, оценивая отличительные особенности духовной жизни республики военного времени, следует подчеркнуть, что созданные в годы войны художественные произведения несли главную ценность – они возвышали гуманистические начала в жизни населения края. Процесс этот шел через противопоставление практике гитлеризма, уничтожившего миллионы людей по расовому, национальному признаку, коренных начал народной жизни с ее готовностью самопожертвования во имя Отечества и более глубокое раскрытие основ народного характера.

Важным фактором, способствующим усилению гуманистических начал в художественном и научном творчестве, как уже говорилось выше, явилось некоторое ослабление идеологических тисков сталинского тоталитарного режима.

Однако со временем в произведениях гуманистической направленности как в Узбекистане, так и в целом по стране, все меньше стало отводиться место славословию в адрес вождей, пустозвонству, казенщине. Это насторожило идеологических цензоров. Во властных структурах с наступлением перелома в ходе войны все больше проявлялась тревога по поводу «недооценки и ослабления» идейно-политической работы в массах. В результате вновь стал устанавливаться жесткий идеологический прессинг на культуру, в основе которого лежали догматические представления о ее роли. С завершением войны и переходом к мирной жизни давление на все стороны духовной сферы общества стремительно стало нарастать.

Вслед за центром масштабная кампания «идеологического наступления» в духовной жизни развернулась и в Узбекистане. Уже в августе 1946 г. XIV пленум ЦК КП(б) Уз принял постановление, в котором были подвергнуты критике театры и узбекские классические музыкальные произведения¹.

В 1948–1949 гг. в целях проверки идеологической ситуации в сфере духовной жизни Узбекистана из Москвы прибыла большая группа работников науки и культуры, возглавляемая официальным представителем ЦК ВКП(б), которая подвергла суровой критике тех, кто якобы «извращает национальную политику» партии, «популяризирует архаизмы», «дворцовую поэзию и музыку», пытается «замкнуть узбекскую культуру и оторвать ее от Союза»².

В качестве примера приводилась докторская диссертация проф. А. Саиди «Творчество Навои, как высший этап в развитии узбекской классической литературы», и в частности, его характеристика государства Тимуридов, ибо автор считал, что период царствования султанов Шахруха, Улугбека и Хусейна Байкары были «периодом цветущего культурного и общественного развития Средней Азии, так сказать «золотым веком»

¹ Тутуриксиз ашулалар, уйдирма наққлар // Қизил Ўзбекистон. 1947, 10 августа.

² Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле. – Ташкент: А. Кадыри, 1994. – С. 48.

узбекской истории, определившим дальнейший культурный и политический подъем узбекского народа».

Наряду с регулярным направлением в Узбекистан подобных проверочных комиссий, в целях всестороннего контроля со стороны центральной власти в конце 40-х годов в республике был учрежден специальный институт Уполномоченного ЦК ВКП(б) по Узбекистану¹. Первым Уполномоченным был назначен С.Д.Игнатъев. Опираясь на собственный аппарат и местные руководящие партийно-советские органы, он, прежде всего, сосредоточил внимание на вопросах идеологической экспертизы состояния республиканской науки, культуры, искусства и литературы, направления деятельности творческой интеллигенции Узбекистана в соответствующее русло.

Так, в постановлении Бюро ЦК КП(б) Уз от 25 июня 1949 г. «О работе Союза писателей Узбекистана», принятого на основе его фронтальной проверки, отмечалось, что в произведениях последнего времени рядом писателей «... допущены элементы национализма, идеализации феодального прошлого и раболепного преклонения перед старой феодальной культурой»². В их числе назывались Айбек, Г. Алимов, М. Бабаев, А. Каххар, Миртемир, Туйгун, У. Рашидов, Х. Гулям, А. Каюмов, Шайхзаде.

Критике подверглись журналы «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока» за публикацию на своих страницах статей, якобы «проникнутых духом космополитизма и дезорганизующих читателей». Особенно резко критиковался журнал «Шарк юлдузи», находящемуся, – как гласил документ, – «на неверном, ошибочном пути, с ярко выраженным проявлением национальной ограниченности»³.

В другом постановлении Бюро ЦК КП(б) Уз от 8 апреля 1951 г. «О состоянии музыкального искусства Узбекской ССР и мерах по его дальнейшему развитию»⁴, необоснованной критике были подвергнуты произведения композиторов республики. Бюро осудило «вредную практику» создания оперных, балетных и музыкальных спектаклей по мотивам и на основе классических произведений: «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Алпамыш», «Гуландом» и др. В обличающем тоне указывалось, что многие работники концертных организаций и музыкальных театров популяризируют «старую архаическую музыку и наиболее мрачные и заунывные образцы макомов», не совмещающихся с «пафосом советской действительности и новыми коммунистическими чертами общества».

Подобный подход, настроенный на предании анафеме многих шедевров устного народного творчества и произведений выдающихся поэтов прошлого, на подстегивании искусственной интернационализации национального музыкального искусства, тяжело отразился на его состоянии. Так, сразу же после публикации указанного постановления во всех творческих союзах и театрах республики в соответствии с его указаниями

¹ Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле. – Ташкент: А. Кадыри, 1994. – С. 48–49.

² Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т. 2. – С. 360.

³ Правда Востока. 1949, 27 июня.

⁴ Правда Востока. 1951, 10 апреля.

были внесены серьезные изменения в планы работы и репертуары¹. В результате резко понизился их национальный колорит, заметно сократилось число зрителей из представителей коренных национальностей.

В августе 1951 г. в республиканской печати были опубликованы две разгромные статьи, нацеленные на осуждение творческой интеллигенции в национализме, космополитизме, пантюркизме. В них огульному обвинению подверглись Тураб Тула, К. Атабаев, Миртемир, А. Бабаджанов, Собир Абдулла, Хабиби², осуждалась деятельность узбекской киностудии. В результате, творческий потенциал работников студии оказался фактически парализованным. Достаточно сказать, что за 1949–1952 гг. киностудия «Узбекфильм» на подготовку литературных сценариев художественных фильмов израсходовала 541,4 тыс. руб., однако ни один из них не был запущен в производство. Подавляющая их часть, особенно посвященная национальной тематике, в силу так называемой «идейной неполноценности» не была утверждена. В частности, оказались запрещены сценарии фильмов «Алпамыш», «У скал Фархада», «Наши силы» и др.³. Между тем, как показал опыт военных лет и «оттепели» 50-х годов, узбекский кинематограф обладал огромным творческим потенциалом. Мастерами узбекского кино (Н. Ганиев, К. Ярматов, Ю. Агзамов и др.) в условиях относительной творческой свободы было создано немало высокохудожественных фильмов, получивших широкое признание зрителей. К сожалению, в описываемый период они были лишены возможности полноценного служения народу, находились практически в простое.

Идеологическое шельмование в печати и на собраниях творческих работников переходя в прямые репрессии, продолжились и в начале 50-х гг. В течении 1950–51 гг. оказались арестованными и были осуждены на 25 лет за «антисоветскую деятельность» Шукрулло, М. Шейхзаде, М. Осим, С. Ахмад, М. Исмаили, Шухрат, Х. Сулейманов и ряд других представителей узбекской творческой интеллигенции. В заключении они просидели 5 лет⁴ и были реабилитированы лишь после развенчания сталинского культа единоличной власти.

Тяжелым преследованиям подвергся выдающийся певец М. Кары-Якубов. Начиная с 20-х годов он оказывал большое влияние на развитие национального музыкального искусства, мечтал создать национальный балет и оперу.

Таким образом, делая обобщающий вывод, следует отметить, что сложившаяся в условиях тоталитарного режима преступная практика политических гонений, массовых репрессий, физического уничтожения наиболее талантливых представителей национальной интеллигенции, совмещаемых с неутрачиваемыми кампаниями борьбы против «идеализации феодального прошлого», «националистических извращений» за обеспечение «идейной чистоты» и ускоренную интернационализацию духовной жизни обусловили порочные процессы обескровления национальной литературы и

¹ Эргашева Ю.А. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития (50–60-е годы)... – С. 157.

² Правда Востока. 1951, 10 августа.

³ Рахимбаева З. Расцвет культуры в Узбекистане. – Ташкент: Узбекистан, 1964. – С. 54.

⁴ Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начало 50-х годов... – С. 191.

искусства, деформационный характер их развития. Все это определило серьезную угрозу утраты узбекским народом своей национальной самобытности.

Насильственное уничтожение наиболее видных представителей творческой интеллигенции, талантливых деятелей литературы и искусства в период сталинских репрессий, нанесло невосполнимый урон культурному достоянию узбекского народа, вызвало разрушение его национальных основ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Беспощадная борьба с «классовыми врагами» развернулась с первых шагов установления советской власти в Туркестане, а затем в Хорезме и Бухаре. Она сопровождалась закладкой политических и духовно-идеологических институтов социалистического общества, практикой атеистического экстремизма, силовым овладением информационными рычагами, установлением идеологического контроля в системе образования и духовного производства в целом. Преследованию были подвергнуты представители национальной интеллигенции, ответственные партийно-советские работники из числа коренного населения, которые пытались отстаивать национальные интересы, наполнить конституционно провозглашенные суверенные права реальным содержанием. Широкий размах приобрела политика репрессивного преследования в духовной сфере после национально-территориального размежевания среднеазиатских республик и образования Узбекской ССР.

2. Руководствуясь логикой «обостряющейся классовой борьбы», сталинская администрация повела решительное наступление против всех социальных групп и слоев, не вписывавшихся в модель коммунистического развития, в том числе в сфере духовного производства. При этом особое значение придавалось подавлению национального самосознания, подпитывающегося стремлением народов национальных регионов, включая Узбекистан, к обретению государственного суверенитета.

Заметными этапами развертывания жесткого курса государственного терроризма выступили масштабные акции борьбы с «троцкизмом», «правым и левым оппортунизмом». В Узбекистане эта борьба вылилась в форму пресечения «буржуазного национализма», «пантюркизма» и «панисламизма». Их носителями была объявлена национальная интеллигенция, передовые представители которой стремились отстаивать традиционные духовные ценности и интересы собственного народа.

3. В ходе социалистической трансформации образовательного комплекса Узбекистана были достигнуты определенные позитивные результаты. Они выразились в повышении общей грамотности населения, в широком развертывании сети школ, средних специальных и высших учебных заведений, в подготовке представительного корпуса специалистов. Однако эти достижения сопровождались опасными деформациями, корни которых скрывались, с одной стороны, в идеологическом экстремизме большевистской модели «культурной революции», а с другой – в пагубной практике тоталитарной эволюции советского государства, в проводимой

сталинским руководством политике «великого перелома», со свойственной ей крайними формами радикализма, нагнетанием политической истерии, атмосферы «классовых боев».

4. В 30-х годах скрытые акции политического террора все теснее стали переплетаться с разгулом массовых репрессий, охвативших страну, в том числе обрушившихся на среднюю и высшую школу Узбекистана. Начавшийся тогда повсеместный поиск «врагов народа» привел к тому, что среди работников народного просвещения, преподавателей, студентов оказалось арестовано и репрессировано большое число ни в чем неповинных людей. Политическим гонениям подвергались, в первую очередь, наиболее образованные и активные в общественном плане люди, представители интеллигенции, отстаивающие национальные приоритеты и духовные ценности.

В период 40-х годов, особенно после вступления СССР во вторую мировую войну, масштабы репрессий в системе народного образования относительно уменьшились, но механизм политических гонений продолжал действовать.

5. Глубокий урон в годы сталинского режима был нанесен науке, особенно общественным дисциплинам. В результате ученые утратили возможность творческого выбора. Истоки репрессивных акций сталинского режима по отношению к науке и ученым, как и по другим направлениям духовного производства, крылись в репрессивной природе советской культурной политики, базирующейся на монополии коммунистической идеологии.

6. Существенно усилились деформационные процессы в научной сфере вслед за укрепленными во властных структурах позиций сталинской администрации. Встав у руля управления страной, И.Сталин утвердил жесткий идеологический контроль за конкретной научной мыслью, особенно над обществоведческими науками. Идеологические концепции, которые одобрялись «верхами», должны были соответствовать не объективной истине, а прагматическим целям сталинской политики, «борьбе за социализм».

7. Несмотря на это, в целом за прошедшие годы в развитии отечественной науки обозначились определенные положительные изменения. После образования Узбекской ССР правительство Узбекистана предприняло активные усилия по расширению корпуса научных работников, созданию необходимых материальных и организационных предпосылок по налаживанию обширной научно-исследовательской работы в интересах экономического и культурного подъема, роста благосостояния народа. В результате выросла целая плеяда талантливых ученых, зародились национальные научные школы в различных отраслях научного производства. Однако этот объективно значимый процесс оказался серьезно деформирован сталинским произволом, вылившимся в акции политических гонений и репрессий, которые затронули судьбу многих талантливых представителей научной интеллигенции Узбекистана.

8. Наступление против научных сил республики предпринималось сталинским руководством по общесоюзному сценарию но имелись свои специфические особенности. В Узбекистане как в системе образования в

науке на передний план выступила борьба с «буржуазным национализмом». Стремясь с корнем вырвать чаяния широких народных масс о свободном национально-государственном самоопределении, подавить национальное самосознания узбекского народа, правящие союзные верхи развернули, прежде всего, кампанию политических преследований, нацеленную на уничтожение «враждебной делу социализма националистической идеологии и ее носителей».

Новая волна политического террора против науки и ученых поднялась во второй половине 40-х начале 50-х гг. XX столетия. Ее побудительными причинами выступило – стремление Сталина и его окружения политически противопоставить «советско-социалистическую» культуру «западно-буржуазной» с тем, чтобы в условиях, возникших после общей с союзными странами военной победы, искусственно поставить заслон на пути духовного и культурного сближения с народами этих стран, как крайне опасного для тоталитарного мышления.

Сталинская политика репрессивно-идеологического натиска на науку и ученых нашла отчетливое выражение в Узбекистане, где она традиционно осуществлялась, в первую очередь, под знаменем «искоренения национализма». Конкретное идеологическое выражение официальный курс на «преодоление националистических рецидивов» в республике нашел в решениях X съезда ЦК КП(б) Уз, состоявшегося в марте 1949 г.

9. X пленум ЦК КП(б) Уз (1952) придал новый импульс политическим гонениям против творческой интеллигенции. Часть из них была арестована и приговорена к длительным срокам заключения в ИТЛ. Другие лишились возможности заниматься научной деятельностью, подвергались административному ostrакизму. Только после смерти Сталина (1953 г.) политическая дискредитация ученых республики стала ослабевать. Таким образом тоталитарная практика советского государства серьезно затормозила здоровые процессы духовного прогресса, способствовала растущему отрыву узбекского народа от исконных национально-культурных корней, вековых духовных ценностей и достижений мировой цивилизации.

Сегодня узбекскому народу возвращена историческая память, реабилитированы жертвы политических репрессий тоталитарного времени, плодотворная работа осуществляется по духовно-нравственному совершенствованию, интеграции нашей страны в мировое научно-культурное пространство.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ

Монографии и статьи, опубликованные в научных журналах.

1. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания. – Ташкент: Тафаккур, 2011. – 288 с.
2. Ишанходжаева З.Р., Абдуллаев Р.М., Гентшке В.Л., Джаббарова Э.М., Джолдасов Б.Д., Иноятова Д.М., Муртазаева Р.Х., Одилов А.А., Таджиева М.У., Турсунова Р.Ю., Шамсиева И.М., Эшов Б.Ж., Дорошенко Т.И. История Узбекистана: Учебное пособие для студентов неисторических специальностей. – Ташкент: Университет, 2002. – 196 с.

3. Ишанходжаева З.Р. Красный террор и расстрелянные библиотеки Ташкента // ЎзМУ хабарлари. – Ташкент, 2000. – № 4. – С. 25–28.
4. Ишанходжаева З.Р. К вопросу о влиянии репрессивных акций тоталитарной системы на культурно-духовную жизнь Узбекистана // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 2002. – № 5. – С. 27–30.
5. Ишанходжаева З.Р. Некоторые аспекты исследования воздействия репрессивных акций советской тоталитарной системы на культурно-духовную жизнь Узбекистана. // Вестник Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагына. – Бишкек, 2002. – № 1. Вып. 2. – С. 160–163.
6. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная практика командно-административной системы управления, как инструмент деформации национального развития коренных народов Узбекистана (1917–1930 гг.). // Вестник КазНУ. – Алматы: Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби, 2003. – № 3. – С. 20–24.
7. Ишанходжаева З.Р. Маданий-маърифий муассасалар ходимларининг катагон қилиниши // Жамият ва бошқарув. – Тошкент, 2003. – № 3. – Б. 46–48.
8. Ишанходжаева З.Р., В.Г.Иофе. Подготовка архивных кадров в Узбекистане // Отечественные архивы. Научно-практический журнал. – М., 2004. – № 1. – С. 79–80.
9. Ишанходжаева З.Р. Наука, научная интеллигенция и власть в Узбекистане 40-х – 50-х гг. XX в. // Вестник Каракалпакского Отделения Академии наук РУз. – Нукус, 2003. – С. 84–86.
10. Ишанходжаева З.Р. Кутубхоналар билан «жанг» // Ҳаёт ва қонун. – Тошкент, 2004. – № 5. – С. 52–53.
11. Ишанходжаева З.Р. Время и судьбы Гуляма Зафари // ЎзМУ хабарлари. – Тошкент, 2004. – № 4. – С. 91–92.
12. Ишанходжаева З.Р. Танқид замиридаги ғараз // Ҳаёт ва қонун. – Тошкент, 2005. – № 1. – Б. 51–53.
13. Ишанходжаева З.Р. «Культурная» политика советского тоталитарного государства и её отражение в Узбекистане (30-е гг. XX вв.). // ЎзМУ хабарлари. – Тошкент, 2006. – № 4. – С. 33–35.
14. Ишанходжаева З.Р. Барҳаёт гунохкорлар // Ҳуқуқ ва бурч. – Тошкент, 2006. – № 4–5. – Б. 34–36.
15. Ишанходжаева З.Р. Политика большевиков в духовной сфере в Узбекистане (20–30-е гг.) // ЎзМУ хабарлари. – Тошкент, 2008. – № 2. – С. 52–54.
16. Ишанходжаева З.Р., Иофе В.Г., Исакова М.С. Подготовка профессиональных архивистов в республике Узбекистан в постсоветский период // Отечественные архивы. Научно-практический журнал. – М., 2008. – № 6. – С. 29–34.
17. Ишанходжаева З.Р. Культурно-просветительская работа в Ташкенте (страницы истории 30-х годов XX века) // ЎзМУ хабарлари. Махсус сон. – Тошкент, 2009. – № 1. – С. 81.
18. Ишанходжаева З.Р. Высшее образование и наука в Узбекистане в 20–30-х гг. XX в. // ЎзМУ хабарлари. Махсус сон. – Тошкент, 2010. – Б. 127–128.
19. Ишанходжаева З.Р. Творческая интеллигенция Узбекистана и

идеологические кампании 50-х гг. XX века // ЎзМУ хабарлари. Махсус сон. – Тошкент, 2011. – С. 199–202.

20. Статьи и тезисы научно-практических конференций, опубликованных в научных сборниках.

21. Ишанходжаева З.Р. Об основных этапах карательно-репрессивной политики тоталитарного режима в Узбекистане // Ижтимоий-гуманитар ва иқтисодий фанлар муаммолари. – Қарши, 2002. II китоб. – Б. 19–20.
22. Ишанходжаева З.Р. Восстановление исторической правды – важный элемент демократизации общества // Ўзбекистонда демократик жамиятни шакллантириш жараёни: муаммолар, изланишлар, ечимлар. – Қарши, 2003. – Б. 86–88.
23. Ишанходжаева З.Р. Национальная программа подготовки кадров и историческое образование // Кадрлар тайёрлаш миллий дастури ва университет таълимининг истиклоллари ўқув-методик конференция материаллари. – Тошкент: Университет, 2001. – Б. 70–71.
24. Ишанходжаева З.Р. Рахим Иногамов – жертва тоталитарного режима в Узбекистане // «Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни». Халқаро илмий конференция маърузалари тезислари. – Тошкент, 2002. – С. 73–74.
25. Ишанходжаева З.Р. К вопросу об искоренении национального свободомыслия (1920–30 гг.) // Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар: тарих ва ҳозирги замон. Илмий-амалий анжуман материаллари. – Тошкент, 2003. – С. 113–115.
26. Ишанходжаева З.Р. Архивные материалы Узбекистана, как источник для изучения репрессивной политики тоталитарного режима (1925–1941 гг.) // Тарихий манбашунослик муаммолари. Республика илмий-амалий анжумандан материаллар. – Тошкент, 2003. – С. 197–200.
27. Ишанходжаева З.Р. Репрессии и воспитание антитолерантности в обществе // «Бағриканглик жамият барқарорлигининг асоси» илмий-амалий анжуман материаллари. – Тошкент, 2003. – С. 90–92.
28. Ишанходжаева З.Р. Депортированные народы и Узбекистан. Помощь узбекского народа жертвам политических репрессий в годы второй мировой войны // Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. Халқаро конференция материаллари. – Тошкент, 2005. 2 қисм. – С. 47–51.
29. Ишанходжаева З.Р. К вопросу о взаимоотношениях Центра и Среднеазиатских республик: у истоков советского тоталитаризма // Материалы научной конференции. – Ташкент, 2006. – С. 94–97.
30. Ишанходжаева З.Р. Принудительные миграции и урбанизация в 30-х XX в. // Урбанизационные процессы в Узбекистане: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. 30–31 марта, 2007 года. – Ташкент, 2007. – С. 215–216.
31. Ишанходжаева З.Р. О некоторых источниках по истории осуществления большевиками «культурной революции» в кишлаке // «Тарихий манбашунослик муаммолари» Республика илмий-амалий анжуман материаллари. 25 апрель, 2008 й. – Тошкент, 2008. – Б. 335–340.
32. Ишанходжаева З.Р. Историческое образование в Узбекистане в условиях глобализации // Материалы международной научной конференции

«Роль Национального Университета в развитии системы высшего образования и науки в Узбекистане», посвященной 90-летию Национального Университета Узбекистана. 22–23 августа, 2008. – Ташкент, 2008.– С. 188–194.

33. Ишанходжаева З.Р. Трудный путь к толерантности // Материалы международной конференции, посвященной 90-летию Национального Университета Узбекистана. 26–27 сентября 2008 г. – Ташкент, 2008. – С. 132–136.

34. Ишанходжаева З.Р., Юсупов Р. Республикамизда Олий Талим ривожигади хамкорлик тарихидан // Илмий-услубий конференция материаллари. – Самарқанд, 2008, 21 ноябрь. – Б. 115–120.

35. Ишанходжаева З.Р. Мастер-класс, как одна из форм повышения качества образования и изучения истории Узбекистана // «Ўзбекистон тарихини ўқитишининг долзарб муаммолари». Республика илмий-назарий анжумани материаллари тўплами. Гулистон, 15–16 апрель, 2010 й. – Б. 30–31.

36. Ишанходжаева З.Р. Антитолерантная политика советской власти и политические репрессии в Узбекистане в 20-е годы XX века // Межнациональные отношения и толерантность в Узбекистане: исторический опыт и современность. Материалы научно-практической конференции. Ташкент, 17–18 сентября 2010 й. – Ташкент, 2010. – С. 54–58.

37. Ишанходжаева З.Р. Идеологизация духовной жизни Туркестана в 1917–1921 годах // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. Халқаро илмий-амалий анжуман материаллари. 4 ноября, 2010 г. – Ташкент, 2010. – С. 196–197.

38. Ишанходжаева З.Р. Советский тоталитаризм: истоки становления системы // «Узбекистон тарихини долзарб муаммолари» илмий мақолалар тўплами. – Тошкент, 2011. – Б. 82–85.

39. Ишанходжаева З.Р. Уроки памяти в процессе изучения истории Узбекистана // Ўзбекистон тарихини ўқитиш муаммолари: тажриба ва истиқболлар. МежВУЗовская научно-практическая конференция. Ташкент, 11 октября 2011 г. – Ташкент, 2011. – С. 56–59.

40. Ишанходжаева З.Р. «Культурные преобразования» большевиков в Узбекистане в 20-е – 30-е гг. XX века // Ziyonet. URL: <http://www.ziyonet.uz/uzc/library/book/39425/libid>.

41. Ишанходжаева З.Р. Модель большевистской «культурной революции» и ее внедрение в Туркестане // Ziyonet. URL: <http://www.ziyonet.uz/uzc/library/book/39426/libid>.

РЕЗЮМЕ

диссертации Ишанходжаевой Замиры Райимовны на тему: «Репрессивная политика советской власти и ее воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925 – 1950-е гг.)» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.01 – История Узбекистана

Ключевые слова: национальное самосознание, духовная сфера, «Культурная революция», культурно-просветительские учреждения, красная чайхана, утверждение моноидеологии, система народного образования, наука, литература, искусство, коммунистическая идеологизация общества, национальная интеллигенция, «диверсии классового врага», «враг народа», НКВД, ГУЛАГ, права человека

Объекты исследования: репрессивная политика советской власти в области культуры – образования, науки, культурно-просветительских учреждений, литературы и искусства.

Цель работы: комплексное и системное изучение, исторический анализ, в свете новой концепции истории Узбекистана, репрессивной политики советской власти в Узбекистане и ее негативного воздействия на культурную жизнь общества в 20–50 – е гг. XX века,

Методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, сопоставительный, аналитический, ретроспективный.

Полученные результаты и их новизна: впервые системно и комплексно исследована и установлена сущность советской репрессивной политики и раскрыты её негативные последствия в духовной сфере. На основе недоступных ранее материалов и источниках исследована и раскрыта генетика репрессий, установлена и доказана антинациональная направленность советской «культурной политики», исследованы и установлены этапы политических репрессий против интеллигенции.

Практическая значимость: результаты диссертации могут служить материалом для дальнейших исследований по истории репрессивной политики советской власти в Узбекистане, написания сводных трудов по истории Узбекистана. Содержание диссертации, ее выводы и предложения могут быть использованы при проведении учебных занятий по курсу истории Узбекистана, специальных курсов для магистрантов исторических факультетов, использованы при создании экспозиций музеев истории Узбекистана и др.

Степень внедрения и экономическая эффективность: материалы диссертации отражены в более чем 39 опубликованных научных работах автора, в том числе в научной монографии, в 4-х учебных и учебно-методических пособиях, 34-х научных статьях и тезисах конференций и др.

Область применения: при написании фундаментальных трудов по истории Узбекистана, составлении учебных пособий и учебников, чтении основных и специальных курсов по истории Узбекистана. Положения будут полезны историкам, филологам, востоковедам, политологам, культурологам.

**Тарих фанлари доктори илмий даражасига талабгор Ишанходжаева Замира Райимовнанинг 07.00.01 – Ўзбекистон тарихи ихтисослиги бўйича «Совет ҳокимиятининг қатағонлик сиёсати ва уни Ўзбекистон маданий ҳаётига кўрсатган таъсири (1925 – 1950 йй.)» мавзусидаги диссертациясининг
РЕЗЮМЕСИ**

Таянч (энг муҳим) сўзлар: Миллий ўзликни англаш, маданий соҳа, «Маданий инқилоб», маданий оқартув муассасалар, «Қизил чойхона», якка мафкура ўрнатилиши, халқ таълими тизими, илм-фан, адабиёт, санъат, жамиятни коммунистик мафкуралаштириш, миллий зиёлилар, «Синфий душман диверсиялари», «халқ душмани», НКВД, ГУЛАГ, инсон ҳуқуқлари.

Тадқиқот объекти: Совет ҳокимиятининг таълим, маданий оқартув муассасалари, илм-фан, адабиёт ва санъат соҳасидаги ўтказилган қатағонлик сиёсати.

Ишнинг мақсади: XX асрнинг 20–50 йилларида Ўзбекистонда совет ҳокимиятининг қатағонлик сиёсати ва унинг жамиятни маданий ҳаётига кўрсатган салбий таъсири, Ўзбекистон тарихи янги концепцияси асосида тизимий ва мажмуавий ўрганиш ва тарихий таҳлил қилиш.

Тадқиқот усуллари: тарихийлик, тарихий-генетик, тарихий маълумотларни тизимлаштириш ва умумлаштириш, тарихий қиёсий таҳлил, ретроспектив.

Олинган натижалар ва уларнинг янгилиги: Илк маротаба совет қатағонлик сиёсатининг моҳияти аниқланган, моҳияти очиб берилган, унинг маънавий соҳага кўрсатган салбий таъсири илк бор тадқиқ этилган, олдин ўрганилмаган маълумотлар ва манбалар асосида совет ҳокимиятининг қатағонлик сиёсати ва унинг сталинизм доирасида намоён бўлиш хусусиятлари очиб берилган. Совет ҳокимиятининг «маданий сиёсати» миллатга қарши йўналтирилганлиги далиллар асосида исботланган. Миллий зиёлиларга қаратилган қатағонликларни босқичлари аниқланган ва тадқиқ этилган.

Амалий аҳамияти: Диссертация ишининг натижалари совет ҳокимиятининг Ўзбекистондаги қатағонлик сиёсати тарихини ўрганишда ва Ўзбекистон тарихига оид яратиладиган нашрларга янги маълумотлар сифатида хизмат қилади. Диссертация мазмуни, хулосаси ва таклифлари Ўзбекистон тарихига оид маърузалар ўқишда, тарих факультетлари магистрантларига махсус курс сифатида ва Ўзбекистон тарихига оид музейларга экспонатларни ташкил этишда фойдаланиш мумкин.

Татбиқ этиш даражаси ва иқтисодий самарадорлиги: Диссертация маълумотлари 39 дан ортиқ илмий ишларда, шу жумладан, илмий монография, тўртта дарслик ва ўқув услубий қўлланма, 34 илмий мақола, илмий анжуманлар тезисларида ўз аксини топган.

Қўлланилиш (фойдаланиш) соҳаси: Ўзбекистон тарихига оид янги фундаментал ишларни яратишда, дарсликлар, ўқув қўлланмалар тузишда, Ўзбекистон тарихига оид асосий ва махсус курсларни ўқитишда, тарихчи, филолог, шарқшунос, сиёсатшунос ва маданиятшуносларга фойдали ҳолат ҳисобланади.

RESUME

thesis of Ishankhodjaeva Zamira Rayimovna on the scientific degree competition of the doctor of sciences in History, on speciality 07.00.01 – History of Uzbekistan.

Subject: «The Repressive policy of the Soviet power and its influence on cultural life of Uzbekistan (1925 – 1953 years)»

Key words: national consciousness, spiritual sphere, «Cultural revolution», cultural-educational establishments, «red teahouse (chaykhana)», the statement of mono ideology, system of national education, a science, the literature, art, a communistic ideology of a society, national the intelligentsia, «diversions of the class enemy», «the enemy of the people», NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs), the GULAG, human rights.

Subjects of research: the Repressive policy of the Soviet power in the field of culture-formations, sciences, cultural-educational establishments, the literature and art.

Purpose of work: complex studying, on the basis of the system-critical analysis, a policy of reprisals of the Soviet power in Uzbekistan and its influences on cultural life of a society at 20–50 years of the XX century.

Methods of research: historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, historical-system, comparative, analytical, retrospective.

The result obtained and their novelty: firstly attempt of complex studying of influence of the Soviet repressive policy on cultural life of Uzbekistan in XX century, on the basis of inaccessible before materials and sources is undertaken. During work for the first time it is generalized various and different material within the limits of uniform conceptual system. Evolution and character of research works on a studied problem is thus shown.

Practical value: Results of dissertational work can serve as a material for the further researches on stories of a repressive policy of the Soviet power in Uzbekistan, a spelling of new summary works under history of Uzbekistan. The maintenance of the dissertation, its conclusions and offers can be used at carrying out of lecture employment at the rate history of Uzbekistan, special courses for undergraduates of historical faculty, use at creation of expositions of museums of history of Uzbekistan.

Degree of introduction and economic efficiency: the author on a trame of research has more then 39 publications: 1 monograph, 4 text books, 34 journal articles and abstracts.

Field of application: for the writing of new fundamental works of history of Uzbekistan, drawing up of manuals and textbooks, reading of the basic and special courses on history of Uzbekistan. Positions will be useful to historians, oriental specialists, political scientists, cultural researches.

